

0.781020

На правах рукописи

Курносова Ирина Михайловна

**ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА
ЯЗЫКА ПИСАТЕЛЕЙ ЦЕНТРАЛЬНОГО
ЧЕРНОЗЕМЬЯ И ЕЁ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ
ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ**

10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
доктора филологических наук

Елец – 2009

Работа выполнена в государственном образовательном учреждении
высшего профессионального образования
«Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина»

Научный консультант	– доктор филологических наук, профессор Г.Ф. Ковалёв
Официальные оппоненты	– доктор филологических наук, профессор О.В. Загоровская
	– доктор филологических наук, профессор М.А. Бобунова
	– доктор филологических наук, профессор С.Ю. Дубровина
Ведущая организация	– Московский государственный областной университет

Защита состоится 29 декабря 2009 г. в 10.00 на заседании диссертационного совета Д 212.059.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций в Елецком государственном университете имени И.А. Бунина по адресу: 399770, Елец, Липецкая область, ул. Коммунаров, 28, ауд. 301.

С диссертацией можно ознакомиться в научном отделе библиотеки Елецкого государственного университета им. Бунина по адресу: 399770, Липецкая обл., г. Елец, ул. Коммунаров, 28, ауд. 300.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000623806

Автореферат разослан «19» ноября 2009 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета

А.А. Дякина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация представляет собой системное многоаспектное описание региональной лексики и фразеологии, нашедшей отражение в произведениях писателей Центрального Черноземья конца XIX – начала XX вв., а также теоретическую разработку авторского словаря дифференциального типа, объединяющего данную лексику и фразеологию.

Актуальность исследования обусловлена всё возрастающим вниманием современного общества к национальной самобытности русской культуры и русского языка в частности, к народным основам родного языка. Нельзя не согласиться, что «возрождение России – проблема не столько экономики, сколько духовной жизни. Это, прежде всего, возрождение культурных традиций русского народа, бережное отношение к языковому и литературному наследию, накопленному нашими предками в течение многовекового исторического процесса созревания и существования русской нации...» [Ковалёв 2005: 3].

Обращение к языку народных говоров как важнейшему источнику изучения истории и культуры народа отмечалось ещё в трудах Ф.И. Буслаева, Я.К. Грота, В.И. Даля и др. выдающихся исследователей. По словам Я.К. Грота, «областные слова, выражая часто черты местной физиономии края или населения, представляют драгоценные указания для изучения нравов и обычаев народа» [Грот 1885: 150].

Современные русские народные говоры, веками хранившие древнюю семантику слов и выражений и развивавшие на её основе новые значения, утрачивают многие свои характерные особенности, нивелируясь под воздействием литературного языка и соседних говоров. Поэтому одной из важнейших задач современной лингвистики должна стать работа по сохранению языка русской культуры.

Временем яркого развития русской языковой культуры стал XIX век. Основной в развитии русского литературного языка в этот период была тенденция к объединению всех жизнеспособных лексических средств, что особенно ярко проявилось во взаимодействии литературного языка с народно-разговорным. Свободное включение народно-разговорной лексики в письменный текст наблюдалось прежде всего в художественной литературе, язык которой признаётся исследователями как наиболее полное отражение литературного языка вообще.

В становлении современного русского литературного языка участвовали многие великие русские писатели (Н.М. Карамзин, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Н.В. Гоголь, И.С. Тургенев, И.А. Гончаров, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский и мн. др.). Для Центрального Черноземья такими мастерами слова стали И.А. Бунин, А. Жигулин, Е.И. Замятин, А.В. Кольцов, И.С. Никитин, А. Платонов, А.С. Суворин, Г.Н. Троепольский, А.И. Эргель и др. И.А. Бунин писал о Средней России как о «том плодородном подстепье, где древние московские цари, в целях защиты государства от набегов южных татар, создавали заслоны из поселенцев различных

русских областей, где, благодаря этому, образовался богатейший русский язык и откуда вышли чуть ли не все величайшие русские писатели...» [Бунин 1965–1967, 6: 543]. Сложившиеся здесь особенности лингвистической и этнокультурной ситуации обусловлены длительными и многообразными историческими процессами, происходившими на данной территории, и представляют большой интерес с точки зрения историко-сравнительного изучения языка данного региона. В результате сложных ассимиляционных процессов здесь на протяжении веков формировались специфические региональные черты народной языковой культуры.

Изучение лексики определённого региона (в данном случае – лексики языка писателей Центрального Черноземья) позволяет использовать результаты исследования в решении одного из актуальных вопросов современных научных разработок, характеризующих особенности картин мира естественных языков и связанных с характером этнокультурной семантики: «является ли она общей, значимой для всего национального социума или варьируется в пределах частных континуумов» [Белякова 2007: 150].

Объектом данного исследования явилась лексика и фразеология народно-разговорной речи Центрального Черноземья, представленная в художественных произведениях писателей этого региона конца XIX – начала XX вв.

Предметом исследования стала структура и система народно-разговорной лексики языка писателей Центрального Черноземья конца XIX – начала XX вв. и её репрезентация в авторском словаре дифференциального типа.

Материалом для настоящего исследования послужили тексты художественных произведений А.И. Эртеля, И.А. Бунина, Е.И. Замятина, характеризующие русский язык с 70–80-х гг. XIX в. до 20–30-х гг. XX в.

Сбор фактического материала осуществлялся по изданиям:

Эртель А.И. Собрание сочинений: В 7 т. – М., 1909;

Бунин И.А. Собрание сочинений: В 9 т. – М., 1965–1967;

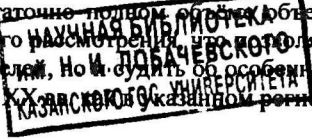
Замятин Е.И. Собрание сочинений: В 4 т. – М., 1929; Замятин Е.И. Собрание сочинений: В 4 т. – Мюнхен, 1970–1988.

Кроме того, анализировались материалы ряда других изданий, содержащих тексты, не представленные в указанных собраниях сочинений писателей (см. Список использованной литературы).

В основу исследования положена картотека, насчитывающая около 8 000 слов из произведений А.И. Эртеля, И.А. Бунина, Е.И. Замятина и более 30 000 словоупотреблений.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1) впервые народно-разговорная лексика и фразеология названных авторов становятся в достаточном полном объёме объектом специального системного многоаспектного рассмотрения, что позволяет характеризовать не только идиостиль писателей, но и судить об особенностях развития лексики в конце XIX – начале XX вв. в указанном регионе, так и в русском языке в целом;

2) полученные в ходе исследования материалы стали основой теоретической и практической разработки авторского словаря дифференциального типа, фиксирующего и толкующего диалектную и просторечную лексику, не нашедшую должного отражения в отечественной лексикографии. Данное положение получило практическую реализацию в виде трёх словарей языка писателей, подготовленных автором настоящего исследования¹.

Период с 70–80-х гг. XIX в. до 20–30-х гг. XX в. имеет существенное значение для истории русского языка, так как именно в это время складываются многие процессы развития русского литературного языка, получившие свою реализацию в языке XX в. Для общественной и культурной жизни России это важный этап, связанный с большими общественно-экономическими переменами, политическими потрясениями, значительной миграцией населения, обусловившей активное смешение языковых особенностей диалектов и дальнейшее развитие просторечия.

Преобразования в экономической, общественной, культурной жизни страны привели к значительным изменениям в лексическом составе языка, но при этом словарный состав русского языка второй половины, а особенно конца XIX и начала XX вв. изучен явно недостаточно.

Научный интерес к рубежу XIX–XX вв. был активен в 60–70-е гг. XX в., однако в последующие годы данный период в истории русского литературного языка почти не привлекает внимания лингвистов. Первые систематические исследования русского литературного языка в период с последней трети XIX до конца XX вв. принадлежат Л.М. Грановской [см.: Грановская 1976; 1996; 2005]; развитие русского языка во второй половине XIX в. получает рассмотрение в трудах Ю.А. Бельчикова [Бельчиков 1975, 2009]; вопросы развития русского языка на рубеже веков и в начале XX в. нашли отражение в «Лексике русского литературного языка XIX–XX вв.» под ред. Ф.П. Филина, в трудах Ю.С. Сорокина [Сорокин 1965], В.И. Чернышева [Чернышев 1911], А. Баранникова [Баранников 1919], Б.М. Ляпунова [Ляпунов 1919], А.М. Селищева [Селищев 1928]. Исследователи, определяя основные тенденции в развитии лексики рубежа XIX–XX вв., отмечают расширение лексического состава за счёт слов народно-разговорного языка, интенсивность семантических и стилистических изменений в лексической системе, обусловленных новым соотношением книжного и разговорного пластов в разных функциональных стилях. Однако лексика народно-разговорного языка в её диалектной и просторечной формах не являлась в этих трудах предметом специального рассмотрения, и «вопрос о роли народно-разговорных лексико-фразеологических единиц в формировании и развитии литературного словаря, о закономерностях и путях вовлечения диалектной (а также профессиональной и жаргонной) лексики в литературный язык, о роли писателей и публицистов в отборе,

¹ См.: Курносова И.М. Словарь народного языка произведений И.А. Бунина. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006; Курносова И.М. Диалектно-просторечный словарь языка Евгения Замятиня. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2008; Народное слово в произведениях А. Эртеля: Словарь. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2009.

обработке и приобщении «народных» слов к русскому литературному языку и другие аналогичные проблемы ещё не получили обобщённого освещения» [Бельчиков 1975: 52].

Художественная литература конца XIX – начала XX вв. в этом отношении изучена явно недостаточно: можно назвать исследования просторечной и диалектной лексики в рассказах Д.Н. Мамина-Сибиряка [Муравьева 1952], в произведениях Е.М. Милициной [Собинникова 1975], в творчестве М.М. Пришвина [Серова 1989] и нек. др.

Общеизвестным является и тот факт, что в различных курсах истории русского литературного языка указанный период представлен очень кратко, обобщённо, а «Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв.» В.В. Виноградова завершаются последней третью XIX столетия. Это, как справедливо полагает Л.М. Грановская, обосновывает «возможную границу описания – 70-е гг. XIX в.» [Грановская 1996: 3].

Неизученными на рубеже XIX–XX вв. оказываются и живые народные говоры, так как от этого периода сохранились скудные диалектные записи.

Выбор нами в качестве объекта изучения народно-разговорной лексики художественных произведений А.И. Эртеля, И.А. Бунина, Е.И. Замятина не случаен:

1) Писатели объединены общей территорией – Центральным Черноземьем: А.И. Эртель родился в деревне Ксизово Задонского уезда Воронежской губернии и большую часть жизни провёл в разных имениях Воронежской губернии; И.А. Бунин родился и прожил до трёх лет в Воронеже, а затем многие годы был связан с Ельцом и Елецким уездом; Е.И. Замятин – уроженец г. Лебедяни Тамбовской губернии (ныне Липецкая область), и события лебедянской жизни легли в основу многих его произведений.

2) Творчество названных писателей относится к изучаемому нами периоду: начало литературной деятельности А.И. Эртеля пришлось на 70–80-е гг. XIX столетия; первые бунинские произведения появились в самом конце XIX в.; творчество Е.И. Замятина складывалось в начале XX в.

Определённая нами верхняя граница исследования – 20–30-е гг. XX столетия – в известной мере условна и может быть объяснена следующим: А.И. Эртель начал свою литературную деятельность, будучи зрелым человеком, а в 1908 году он уже умер; И.А. Бунин и Е.И. Замятин уехали из России (И.А. Бунин – в 1920 г., Е.И. Замятин – в 1931 г.), но сохранили её в своей памяти и в своём родном языке, поэтому «стремление спасти язык от власти времени, обрести для него вечную жизнь обратили эмиграцию к консервации языкового материала», что повлекло за собой «уникальное явление»: «язык русской эмиграции первой волны и двух её поколений, по существу, завершивший историю русского литературного языка послепушкинского времени (курсив мой – И.К.)» [Грановская 1995: 6, 131].

3) А.И. Эртель, И.А. Бунин, Е.И. Замятин явились представителями реалистического направления в литературе, но разных его проявлений:

А.И. Эртель был склонен к документально точному воспроизведению действительности; И.А. Бунин продолжил традиции классической русской реалистической литературы; Е.И. Замятин причислял себя к представителям неореалистического изображения жизни, где главным, по его словам, является «кажущаяся неправдоподобность действующих лиц и событий, раскрывающая подлинную реальность» [Замятин 1988, 5: 136]. Такая «разность» писателей в их творческом методе отражения действительности позволяет не только характеризовать идиостиль каждого писателя, но и даёт возможность судить о языковых основах самой личности писателя, о влиянии творческой позиции писателя по отношению к изображению действительности на использование им языковых средств.

4) А.И. Эртель, И.А. Бунин, Е.И. Замятин были носителями не только русского литературного языка, но и его народно-разговорной формы во всех её проявлениях, поскольку выросли в такой языковой среде, которая позволила им узнать язык народных говоров в непосредственном и теснейшем общении с его носителями.

5) Обращение к творчеству названных писателей объясняется и сравнительной неизученностью (а по отношению к А.И. Эртелю – практически полной) языковой стороны их творчества. Произведениям И.А. Бунина посвящено огромное количество исследований как литературоведческого, так и лингвистического характера, однако зачастую его произведения становились материалом для решения общих вопросов лексики, фразеологии, грамматики. Народно-разговорная лексика его произведений изучалась лишь эпизодически [см.: Заборовская 2003; Краснянский 1995, 2007, 2009; Курносова 1997, 1998, 2001, 2004, 2006–2009 и др.; Собинникова 1990, 1995, 1997, 2001, 2004 и др.] – за исключением диссертационной работы Ю.Ю. Крюкова [Крюков 2009], исследующей субстантивную диалектную лексику произведений писателя.

Е.И. Замятин начал возвращаться к русскому читателю лишь около двадцати лет назад, но за это время появилось уже значительное количество исследований, посвящённых его творчеству, в том числе монографического плана, однако в большинстве своём это труды литературоведческого характера [см.: Гилднер 1993; Гордович 2004; Давыдова 1991, 2000; Желтова 2003; Комлик 2003; Костылева 1994; Полякова 2000, 2004; Хворова 2003; Эдвардс 1982 и др.]. Лингвистические исследования затрагивали проблему сказа его произведений, «диалогического языка», индивидуальной словообразовательной системы, анализа лексики отдельных тематических групп как части лексики тамбовских говоров [см.: Зюлина 1994; Изотов 1994; Полунина 2008; Протапопова 2004, Хатямова 2003; 2004 и др.], поэтому произведения Е.И. Замятина ждут своего должного лингвистического истолкования, особенно в отношении представленной в них богатейшей народно-разговорной речи.

А.И. Эртель явился тем писателем, который был широко известен и почитаем при жизни, но оказался быстро забытым после смерти. Высокая оценка, данная словесному мастерству А.И. Эртеля многими писателями и

критиками [см.: Батюшков 1909; Бунин 1967; Толстой Л.Н. 1964 и др.], позволяет рассматривать его произведения как ценнейший источник изучения народно-разговорной лексики конца XIX века. В последнее время интерес к творчеству А.И. Эртеля возобновляется [см.: Александров 1990; Орлова 2004], однако с лингвистических позиций произведения писателя практически не исследованы: имеются лишь отдельные работы В.И. Собиинниковой, содержащие наблюдения над просторечной лексикой романа А.И. Эртеля «Гарденины» [см.: Собиинникова 1990, 1996].

Таким образом, указанные обстоятельства позволяют нам обратиться к произведениям названных писателей для изучения лексики народно-разговорного языка Центрального Черноземья конца XIX – начала XX вв. Данное исследование имеет не только вербально-семантическое выражение, но и прагматическое: создание словарей народно-разговорного языка, отражённого в произведениях художественной литературы, способствует решению по меньшей мере трёх задач:

- 1) выявлению лексики народно-разговорного языка предыдущих эпох,
- 2) характеристике идиостиля писателя,
- 3) научному комментированию текстов художественных произведений.

Основная цель работы состоит в системном многоаспектном описании народно-разговорной лексики и фразеологии языка писателей Центрального Черноземья конца XIX – начала XX вв. и разработке теории составления авторского словаря дифференциального типа, фиксирующего диалектную и просторечную лексику региона Центрального Черноземья, отражённую в художественном тексте.

Цель работы диктует выполнение конкретных задач:

- определение достоверности регионального языкового материала, представленного в произведениях А.И. Эртеля, И.А. Бунина, Е.И. Замятина, применительно ко времени создания произведений и к территории описываемых мест;
- выявление квалифицирующих признаков, позволяющих рассматривать изучаемую лексику как диалектную или просторечную;
- определение ареальной, стилистической и функциональной квалификации слов, выявленных в исследуемых произведениях;
- системное и сопоставительное представление диалектной и просторечной лексики;
- характеристика изменений в квалификации исследуемой лексики по отношению к современному состоянию русского языка;
- изучение специфики идиостиля писателей в связи с особенностями использования ими региональной лексики;
- разработка структуры авторского словаря, толкующего диалектную и просторечную лексику произведений одного писателя, и принципов отбора слов для словника;

- разработка структуры словарной статьи и принципов толкования слов и устойчивых сочетаний в авторском словаре такого типа;
- формирование системы помет и комментариев различного рода.

Теоретико-методологической базой исследования явились работы видных отечественных лингвистов в области лексикологии (А.В. Калинина, Л.П. Крысина, М.И. Фоминой, Н.М. Шанского) и теории просторечия (В.Д. Девкина, А.Н. Ерёмкина, А.Ф. Журавлёва, Е.А. Земской, Л.А. Капанадзе, М.В. Китайгородской, Г.П. Князьковой, Е.Ф. Петрищевой, Г.Н. Скляревской, Ю.С. Сорокина), диалектологии (Р.И. Аванесова, Л.И. Балахоновой, Л.И. Баранниковой, Л.И. Беловой, О.И. Блиновой, Д.К. Зеленина, С.М. Кардашевского, Т.С. Коготковой, С.И. Коткова, О.Д. Кузнецовой, И.А. Оссовецкого, В.И. Собинниковой, Ф.П. Сороколова, Ф.П. Филина), фразеологии (Е.В. Брысиной, В.В. Виноградова, В.П. Жукова, А.В. Жукова, Л.А. Ивашко, А.Г. Ломова, В.М. Мокненко, Р.И. Ройзензона, В.Н. Телия), общей и авторской лексикографии (Ю.Д. Апресяна, Д.И. Арбатского, А.М. Бабкина, Т.В. Бахваловой, М.А. Бобуновой, М.Б. Борисовой, В.В. Виноградова, В.Г. Гака, Р.Р. Гельгардта, А.С. Герда, В.П. Григорьева, Н.П. Денисова, В.В. Дубичинского, Ю.Н. Караулова, О.М. Карповой, Х. Касареса, Л.П. Крысина, Л.С. Ковтун, Б.А. Ларина, В.В. Морковкина, С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой, Л.Л. Шестаковой, Л.В. Щербы), истории русского литературного языка (Ю.А. Бельчикова, Ф.И. Буслаева, Г.О. Винокура, Л.М. Грановской, Я.К. Грота, Н.Н. Дурново, А.И. Ефимова, Е.Г. Ковалевской) и др.

В рамках народно-разговорной речи конкретного региона традиционно рассматриваются прежде всего диалектный язык, просторечие и профессиональный язык. К указанным типам может быть добавлена региональная устаревшая и устаревающая лексика, характеризующая быт прежней русской деревни. Основное внимание в данном исследовании сосредоточено на описании диалектной и просторечной лексики как основы языка любого региона.

Оценка названных типов слов, позволяющая включать в рассмотрение ту или иную лексику художественных произведений, проведена нами, во-первых, с позиций норм второй половины XIX – начала XX вв., во-вторых – с позиций норм современного русского языка. Лексикографическими источниками, определяющими характер современного XIX века употребления слова, являются прежде всего «Словарь церковно-славянского и русского языка», составленный Вторым отделением Академии Наук 1847 г. (Слов. Акад. 1847), «Опыт областного великорусского словаря» 1852 г. (Опыт), «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля 1863–1866 гг. (Даль), «Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук» 1895–1900 (Слов. Акад.). Вместе с тем, в языкознании хорошо известен тот факт, что «лексикографическая фиксация многих новаций постоянно отстаёт от «живой» нормы эпохи», поэтому реально «лексикографическим источником, фиксирующим норму XIX века, является «Толковый словарь русского

языка» Д.Н. Ушакова» [Калиновская 2006: 11], в связи с чем стилистическая и историческая квалификация лексики по отношению к концу XIX в. и началу XX в. осуществлена нами и на основе материалов «Толкового словаря русского языка» Д.Н. Ушакова (ТСУ), а характер изменений в лексике по отношению к современному состоянию языка определён по материалам «Словаря современного русского литературного языка: В 17-ти т.» (БАС) и «Словаря русского языка: В 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой» (МАС). Кроме того, в исследовании использован ряд региональных словарей русского языка и словарей языка писателей (см. список лексикографических источников).

Методы исследования: 1) описательный метод с использованием научно-исследовательских приёмов наблюдения, описания, классификации и анализа, 2) функционально-семантический, 3) компаративный, 4) количественный, 5) лексикографический. Совокупность данных методов позволила провести отбор, систематизацию и описание языкового материала, что соответствует поставленным задачам.

Достоверность исследования обеспечена полнотой привлечения к анализу лексического материала, извлечённого методом сплошной выборки из художественных произведений А.И. Эртеля, И.А. Бунина, Е.И. Замятина. В ходе анализа этот материал проверен более чем по 80 специальным словарям. Кроме того, к анализу материала привлекались данные проведённых автором диссертации опросов современных носителей тех говоров, которые нашли отражение в произведениях названных писателей, что позволило подтвердить областной характер анализируемых слов, уточнить их ареалы, определить или уточнить семантику ряда слов и проследить их судьбу в русском языке.

Теоретическая значимость работы заключается

1) в развитии теории изучения народно-разговорного языка региона на материале произведений художественной литературы,

2) в обосновании статуса художественных произведений А.И. Эртеля, И.А. Бунина, Е.И. Замятина для изучения народно-разговорного языка региона в его диалектной и просторечной формах,

3) в разработке принципов изучения народно-разговорной лексики русского языка определённого периода в составе художественного произведения,

4) в уточнении общих тенденций развития лексико-семантической системы русских народных говоров,

5) в углублении теории разработки авторского словаря дифференциального типа, специализированного на материале живой русской речи.

Научно-практическая значимость работы состоит в возможности активного использования её результатов при изучении истории русского литературного языка, исследовании языка творчества названных писателей и характеристике литературных течений, при чтении спецкурсов по авторской лексикографии и языку художественных произведений, теории про-

сторечия и диалектной лексики. Разработанные принципы составления словаря могут быть использованы в авторской лексикографии.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Язык произведений А.И. Эртеля, И.А. Бунина, Е.И. Замятина – ценный и надежный источник изучения народно-разговорной лексики в её диалектной и просторечной формах в период конца XIX – начала XX вв.

2. Состав и характер использования диалектной и просторечной лексики в языке художественных произведений варьируются в зависимости от видения мира писателя как языковой личности.

3. При существенных различиях в творческих методах отражения действительности писатели обнаруживают генетическое языковое родство, обусловленное их биографической территориальной и временной близостью.

4. Язык писателей одного региона, рассматриваемый на протяжении нескольких десятилетий, репрезентирует языковую картину региона как часть языковой картины всего русского народа. Говоры Центрального Черноземья как говоры смешанного типа отражают язык и культуру многих регионов России, что характеризует их как своеобразное явление в общей языковой картине русского народа.

5. Просторечие второй половины XIX – начала XX в., лексический состав которого значительно пополнился за счёт формирования у целого ряда слов переносных и экспрессивно-оценочных значений, – лексическая категория, не получившая чёткой теоретической разработки и последовательного словарного отражения.

6. Языковые процессы, отражённые в художественных произведениях писателей Центрального Черноземья, – свидетельство общего развития народно-разговорной лексики русского языка изучаемого периода.

7. Диалектно-просторечный словарь языка писателя как один из авторских словарей дифференциального типа – особое средство отражения языковой картины территориального социума и необходимое справочное пособие для современного этапа развития русского языка и русской литературы, позволяющее сохранить народно-разговорное слово как важнейший элемент русской культуры.

Апробация работы. Результаты исследования были обсуждены на заседании кафедры теории и истории русского языка Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина (2009 г.), представлены на научных конференциях различного ранга в Гродно (Беларусь) (2007), Луганске (Украина) (2005, 2007), Севастополе (Украина) (2009), Душанбе (Таджикистан) (2009), Москве (2007), Санкт-Петербурге (2008), Брянске (2007), Воронеже (1996, 1997, 2007, 2008), Туле (2007), Великом Новгороде (2009), Липецке (1990–1994, 1996, 2009), Ельце (1989–2009), на семинаре «Теория и практика авторской лексикографии» в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН (2008).

Структура работы определена целями и задачами исследования. Работа состоит из Введения, пяти глав, Заключения, списка литературы

(более 500 наименований), перечня лексикографических источников (более 80 наименований) и трёх Приложений, содержащих 1) лексико-грамматическую классификацию выявленной диалектной и просторечной лексики, 2) таблицу фиксации диалектных и просторечных лексем в произведениях писателей с опорой на представленную лексико-грамматическую классификацию, 3) таблицу фиксации диалектных и просторечных устойчивых сочетаний в произведениях писателей.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обоснован выбор темы, обозначены актуальность, цель и задачи, объект и предмет исследования, указаны материал и методы его анализа, определены научная новизна, теоретическая и практическая значимость.

В 1 главе «Теоретические проблемы лексикологии и лексикографии языка художественной литературы» представлен круг ключевых проблем, связанных 1) с рассмотрением художественной литературы в качестве источника региональной лексикологии и лексикографии, 2) с определением основных понятий, используемых в работе.

Вопрос о том, какие источники имеют право быть материалом для изучения и лексикографирования региональной лексики, был предметом обсуждения в отечественной лингвистике на протяжении многих лет. Наряду с традиционными источниками (письменные памятники разных эпох, современные говоры, данные лингвистических карт современных говорков, свидетельства топонимики, антропонимии) исследователи указывали и на возможность использования для изучения региональной лексики и фразеологии материала художественных произведений (О.И. Блинова, Г.О. Винокур, А.И. Ефимов, С.М. Кардашевский, С.И. Котков, И.А. Оссовецкий, Л.И. Скворцов, В.И. Собинникова и др.). Признавая вопрос о роли художественных произведений в изучении народно-разговорного языка дискуссионным, исследователи, однако, отмечали, что этот источник обладает рядом достоинств, в числе которых богатство и новизна лексико-фразеологического областного материала, дополнительные данные, позволяющие пополнять сведения о модификациях областных слов, об ареальных характеристиках ранее лексикографируемых единиц.

При этом привлечение художественных произведений для изучения народных говоров особенно важно для тех периодов в истории русского языка, которые не сохранили достаточного количества записей живой народной речи. Таким периодом в истории языка является конец XIX – начало XX вв.

В данной работе понятия *диалект*, *диалектное (областное) слово*, *диалектизм* получают традиционное рассмотрение: под *диалектом* понимается «разновидность языка, являющаяся орудием общения более или менее ограниченного коллектива, представители которого находятся в непосредственном взаимодействии, и потому характеризующаяся относи-

тельным единством языковой системы» [Аванесов 1949: 9]; «диалектным является слово, имеющее локальное распространение и в то же время не входящее в словарный состав литературного языка (в любую его разновидность)» [ЛЭС: 133]; термины *диалектное слово* и *областное слово* употребляются как синонимы по отношению друг к другу и к понятию *диалектизм*. Применительно к диалектной лексике в работе используется понятие *этнографизмы* – «названия предметов, понятий, характерных для быта, хозяйства данной местности, не имеющие параллелей в литературном языке» [Там же].

Говоря о противоречивом характере как самого *просторечия*, существующего в народных говорах в теснейшей связи с диалектным языком, так и о понимании этого явления в лингвистике, мы используем этот термин в двух значениях: 1) общенародные, территориально не ограниченные явления национального языка, оставшиеся за пределами литературного языка; 2) стилистически сниженные языковые средства в разговорной разновидности литературного языка.

Принимая определение *устаревших слов* как вышедших из активного употребления, но сохранившихся в пассивном словаре, мы рассматриваем их как с позиций современного русского языка, т.е. с точки зрения нормы настоящей эпохи, так и с позиций эпохи создания конкретного текста. Осознание сложности проблемы устаревших слов и попытка рассмотреть слово в исторической перспективе позволяет нам использовать и термин *устаревшая лексика*, к которой исследователи относят слова, только переходящие в пассивный запас лексики.

Понятие *профессиональная лексика* используется в работе для характеристики слов и выражений из народно-разговорной речи, свойственных речи представителей определённой профессии или сферы деятельности и являющихся просторечными, эмоционально окрашенными эквивалентами терминов.

Указанная лексика в языке художественных произведений в разные годы была объектом пристального внимания многих исследователей, которые обращались к творчеству самых разных писателей (Л.Н. Толстого, К.Ф. Седых, М.А. Шолохова, Н.А. Некрасова, И.С. Тургенева, Д.Н. Мамина-Сибиряка, А.М. Горького, Н.С. Лескова, П.П. Бажова, Д.А. Фурманова, Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Белова, Н.А. Некрасова, Е. Носова, М.М. Пришвина и др.) и рассматривали диалектные и просторечные слова в художественном произведении с точки зрения их функционирования, выделяли различные типы диалектизмов, изучали их семантику, место в общенародном языке, стилистические функции и т.д. Однако в поле зрения лексикографов эта лексика почти не попадает, в то время как корпус авторских словарей ко второй половине XX в. представлен уже значительным количеством лексикографических трудов самых разных типов [см.: Русская авторская лексикография XIX–XX вв.]. В некоторых из них диалектная и просторечная лексика является определённой частью сводного словаря языка писателя [см.: Марков 1961; Марканова 1968; Ели-

стратов 2001; «Народное слово в произведениях В.И. Белова» 2004; Словарь Шолохова 2005 и др.]. Есть и опыт толкования «редких», «забытых» слов, зафиксированных художественным текстом [см.: Бахвалова, Попова 2007; Сомов 2001; Федосюк 2001; Рогожников 2004 и др.]. Однако задачей авторской лексикографии, по нашему мнению, должно стать и создание словарей, толкующих не только «редкие слова» в художественных текстах, но и фиксирующих региональные лексические единицы разных типов: собственно лексические, фонетические, лексико-грамматические, акцентологические, функционирующие в художественных произведениях одного автора (а затем и нескольких авторов, принадлежащих одному региону), что позволит дать системное представление о народно-разговорном языке данного региона, способствуя при этом и характеристике идиостиля каждого писателя.

Глава 2 «Произведения А.И. Эртеля, И.А. Буннина, Е.И. Замятина как отражение реальной языковой ситуации конца XIX – начала XX веков» рассматривает особенности функционирования народно-разговорной лексики в произведениях писателей с позиций временной и территориальной соотнесённости использованного ими речевого материала с реальной языковой ситуацией изучаемого периода.

1. А.И. Эртель, «писатель-самородок, настоящий коренной степняк, прошедший юность в деревне, в близком общении с простым народом, знающий личным опытом крестьянский быт и деревенскую администрацию и уездное купечество» [Батюшков 1909: XI], прекрасно знал язык восточной части южнорусского наречия. Это позволило А.И. Эртелю показать в своих произведениях жизнь всех социальных слоёв сельского населения в период важнейших преобразований в русском обществе после реформы 1861 г.

Во второй половине XIX в. в русском национальном языке, представлявшем собой уже сложившееся единство, в значительной степени определились его частные системы: русский литературный язык, просторечие, территориальные и социальные диалекты и переходные типы речи. Значительную роль в этом сыграла реформа 1861 г., освободившая крестьян от крепостной зависимости и способствовавшая развитию капиталистических отношений, в связи с чем разрушается сложившаяся веками крестьянская община и значительная часть крестьянства устремляется в города, а в деревни приходит определённая часть городского населения, способствуя развитию просторечия и переходных типов речи. Все указанные подсистемы русского национального языка второй половины XIX в. находят отражение в произведениях А.И. Эртеля.

Диалектная лексика произведений А.И. Эртеля интересна и важна прежде всего для изучения воронежских говоров второй половины XIX в., особенно речи однодворцев, составлявших в XIX в. почти половину населения Воронежской губернии. По оценкам исследователей, воронежские говоры изучены недостаточно, особенно с точки зрения монографического описания.

Диалектная и просторечная лексика, представленная в произведениях А.И. Эртеля большим количеством слов, позволяет судить о причинах, приведших к широкому использованию живой народной речи в художественных произведениях. Эта лексика произведений писателя стала объектом внимания составителей ряда словарей русского языка. Цитаты из произведений А.И. Эртеля привлекались в качестве иллюстративного материала в БАС и МАС при толковании таких слов, как *гвоздануть, зажора, загоготать, затолочься, мера, начередить, неотёса, оборачиваться, односторонка, побрать, произойти, притча, псица, радельница, скоромиться, сторновка, улица, шнырять (глазами)* и мн. др.

Примеры из произведений А.И. Эртеля могли бы стать иллюстрациями и к тем словам, значение которых в словарях русского языка не подкреплено никакими цитатами (например, в БАС: *белотурка* – «сорт яровой пшеницы», *вываживать* – «медленно и долго водить разгорячённую лошадь, чтобы дать ей отдохнуть, остыть, после чего её можно напоить», *гомоса* – «беспокойный человек, непоседа»).

Стремление А.И. Эртеля дать широкую картину русской деревни 60–80-х гг. XIX в. и при этом показать крестьян не в массе, а индивидуализируя портреты конкретных представителей этой массы, позволило писателю настолько реалистично передать особенности народной речи, что он приближается к документально точному её воспроизведению. Это проявляется в отражении не только лексических особенностей народных говоров, но и многих фонетических и грамматических явлений диалекта и просторечия. Среди этих явлений отмечаются и редкие, свойственные, например, речи отдельных выходцев из соседних с Воронежской областей – так называемых «щекунов» (*що, каго, чаго, каё*), «цуканов» (*ево, каво, чево*) и «галманов» (*чиво, атчиво, плисать, пинжаки*).

Тяготение писателя к документализму нередко приводит его к использованию слов узколокального значения, требующих прямого авторского толкования (*балухманный, галманы, дарёнка, изнавесть, крымская шапка, посыкнуться, потазать, тоша, усынок* и др.). Такие толкования являются ценными для лексикографа, а кроме того, помимо содержащейся в них семантической информации, нередко позволяют судить о времени вхождения отдельных слов в литературный язык (*лунка, валух, мещина (месячина), лоньсы, обанол, погутарить, хозяйин* и др.).

Язык А.И. Эртеля интересен широко представленной в его произведениях специальной коннозаводческой лексикой (*выводка, выжеребка, жеребятник, матка, маточная, маточник, поддужный, постанов, проезжать, сбой, сосунок* и мн. др.) и лексикой, характеризующей социальные и производственные отношения пореформенной русской деревни (*выговорные, инвалид, отпускная, плугарь, поезжанин, рассев, рядчик, целкач* и др.).

Произведения А.И. Эртеля богаты народно-разговорной фразеологией, причём среди фразеологизмов немало таких, которые не зафиксированы словарями русского языка: *дать вздох, меды ломать, медоломное дело, обдумать канитель, куда тебе рань какую, умом обноситься* и др.

Представленные в данной главе наблюдения над языком произведений А.И. Эртеля позволяют говорить о возможности и необходимости использования материала его художественных текстов для лексикологических изысканий и лексикографических разработок в области как общей, так и авторской лексикографии.

2. Произведения И.А. Бунина имеют исключительное значение для изучения прежде всего лексики елецких говоров, которые до настоящего времени должным образом не исследованы и не описаны. Своеобразие географического положения Ельца и многовековая история елецких земель, вместившая в себя многочисленные войны, разорения, пожары, естественную и насильственную миграцию населения, обусловили образование, по словам И.А. Бунина, «богатейшего языка, в котором, благодаря географическим условиям, слилось и претворилось столько наречий и говоров чуть не со всех концов Руси» [Бунин 1965, 1: 256].

Одной из особенностей стиля И.А. Бунина исследователи называют его умение реалистически точно передавать народно-разговорный язык. Основой реалистичности изображаемого является превосходное знание писателем быта деревни, обрядов и обычаев русского народа.

Семантический и ареальный анализ народно-разговорной лексики произведений И.А. Бунина свидетельствует о достоверности выявленного речевого материала. Используемые И.А. Буниным этнографизмы (*драчёны, занавёска, застреха, кичка, коник, косяк, панёва (понёва)* с «прозумен-том», *пелена, плахта, рога* и др.) соответствуют данным этнографических исследований [см.: Восточнославянский этнографический сборник 1956; Материалы по этнографии 1926; Забылин 1880; Зеленин 1991; Маслова 1956 и др.]. Территориальная отнесённость диалектных слов, в том числе узколокальных (*верх, волнобой, впричёску, в начёс, луг* и др.), находит подтверждение в словарях русского языка, диалектологических исследованиях Р.И. Аванесова, К.Ф. Захаровой и В.Г. Орловой, С.М. Кардашевского, А.К. Колесниченко, С.И. Коткова, В.И. Собинниковой, Г.Л. Щеулиной и др. учёных, а также в наблюдениях В.И. Попова, Н.А. Ридингера, М.А. Стаховича.

Бытование на елецких землях диалектных слов, отражённых в произведениях И.А. Бунина, подтвердили данные проведённых нами опросов: почти 98 % слов анализируемых слов было отмечено в речи жителей таких елецких сёл и деревень, как Воргол, Дерновка, Каменка, Пажень, Рябинки и др. [см.: Курносова 1997].

Особенности введения писателем народно-разговорной лексики в язык художественных произведений и способы семантизации слов [см.: Курносова 1995] свидетельствуют о хорошем знании И.А. Буниным ареалов использованных слов: *арпельник, артеба, бабуриться, блукать, богато (багато), бо-зна как, бурдастый, гаять, голубец* – «могильный памятник, состоящий из деревянного сруба с кровлей на два ската с крестом на её середине», *верх* – «овраг» и «луг в низине», *вожжовка, истянуться, каляниться, косяки, суровец* и мн. др.

Хорошее знание быта русского народа, тонкое восприятие народной культуры, внимательное отношение к живому русскому языку, переходящее в восхищение мудростью и семантической ёмкостью каждого слова, позволили писателю быть абсолютно правдивым в изображении действительности.

З. Е.И. Замятин относил себя к неореалистам, которые, по словам писателя, «чаще всего изображают иную, подлинную реальность, скрытую за поверхностью жизни так, как подлинное строение человеческой кожи скрыто от невооружённого глаза... Вот почему в произведениях неореалистов изображение мира и людей часто поражает преувеличенностью, уродливостью, фантастикой» [Замятин 1988, 5: 133].

Действительно, однозначно оценить язык замятинской прозы трудно: реальное в ней настолько тесно переплетается с вымышленным, гротескным, что нельзя говорить, например, о безусловно точном отражении языка Лебедяни в повестях «Уездное» и «Алатырь», материалом для которых послужила Лебедянь, об ареальной соотнесённости многих слов народно-разговорного языка в других его произведениях.

Вместе с тем, в замятинской концепции языка художественной прозы утверждение о том, что «писатель должен перевоплощаться целиком в изображаемых им людей, в изображаемую среду» [Замятин 1988, 6: 80], переходит в установку Е.И. Замятина на «требование относительно языка в художественной прозе: язык – должен быть языком изображаемой среды и эпохи» [Там же]. Примечательно, что своё обращение к народному быту и народному языку Е.И. Замятин «оправдывает» и ссылкой на И.А. Бунина, у которого «целые тома посвящены деревне» [Замятин 1988, 5: 134]. Но если И.А. Бунин продолжает и развивает языковые приёмы старой классической литературы («речь изображает, но она не изображена» [Грановская 1996: 102]), то Е.И. Замятин, как и ряд других писателей в начале XX в., порывает с классическим типом повествования и обращается к языку как к инструменту совершенно нового показа действительности.

Несмотря на стремление писателя к «гротескности» и «фантастичности» изображаемого, представленный во 2 главе семантический и ареальный анализ народно-разговорной лексики, нашедшей отражение в произведениях Е.И. Замятина, говорит о хорошем знании писателем народного языка, в том числе и слов узколокальных: *взгойчаться, втюхаться, жаворонка, испрохвала, кулиберда, кулижиться, мурныкнуть, наседаться, начупить, окорот, отерхан, подзашлычина* и др.

Вместе с тем, в произведениях Е.И. Замятина отмечаем случаи употребления ряда слов в нетрадиционной форме (*бландахрыст, немырь*); ареальная характеристика отдельных слов из произведений «северного» цикла в словарях русского языка не содержит указаний на их бытование в севернорусских говорах (*балухманный, жвытко* и др.), и наоборот: имеющиеся в словарях сведения об ареальной отнесённости ряда слов из «лебедянских» произведений писателя не говорят об их известности в южнорусских говорах (*кутафья, отболеться* и др.). Объяснены подобные факты могут

быть, с одной стороны, отсутствием в словарях русского языка сведений о бытовании данных лексем в описываемых говорах. С другой стороны, нельзя отрицать и определённой доли «вольности» писателя в использовании лексики народно-разговорного языка, связанной с теоретической установкой Е.И. Замятина на изображение «стилизованного языка среды», тем более что философия неореализма позволяла автору соединять в одном произведении миф и реальность, «фантастику и быт», реализм и символизм. Это проявилось в синкретизме значений у ряда слов (*плясавица, чомор, шуликун* и др.), в создании сравнений и метафор на базе многих народно-разговорных слов и т.д.

В произведениях Е.И. Замятина выявлено немало слов, не зафиксированных словарями русского языка: *баклановка, божерьяка, взбыдриться, евсаяной, завежить, закомарина, зачихачиться, поножь, шалова* и др.

Лексика, отмеченная в произведениях А.И. Эртеля, И.А. Бунина, Е.И. Замятина, введена авторами в различные контексты и различными способами семантизирована. Анализ способов семантизации позволяет говорить о том, что выбор автором тех или иных из них зависит прежде всего от типа повествования, обусловленного различными подходами писателей к изображению действительности.

Ареальная характеристика слов, использованных в произведениях писателей, показала тенденцию к увеличению объёма южнорусской и узколокальной лексики в произведениях, написанных после рубежа XIX–XX вв.: если в произведениях А.И. Эртеля лексем южнорусской отнесённости было зафиксировано 17 %, узколокальных – 2,2 %, то в произведениях И.А. Бунина эти показатели составляют соответственно 28,6 % – 2,4 %, а в произведениях Е.И. Замятина 29,5 % – 3,1 %, что, как можно предположить, обусловлено большей свободой писателя в выборе языковых средств в начале XX в.

В 3 главе «Системное описание диалектной и просторечной лексики в произведениях А. И. Эртеля, И. А. Бунина, Е. И. Замятина» представлены основные семантические поля (СП) и тематические группы (ТГ), характеризующие выявленную диалектную и просторечную лексику.

1. Академические словари XIX вв. стремились отразить стилистическое разнообразие лексики живого народного языка, однако объём и содержание лингвистических категорий, квалифицируемых в них как *просторечные, простонародные, областные*, в этот период не всегда чётко дифференцированы. Словари, оценивая просторечные слова как достояние речи «простого народа», носящей сниженный характер по отношению к книжно-письменному языку, рассматривали их как часть простонародной лексики, характерной для речи «простого народа» как целого, т.е. людей низких сословий.

Но такое разграничение не всегда соответствовало реальной ситуации: и у просторечных слов, и у простонародных, представленных в академических словарях, обнаруживаются общие фонетические признаки, общие словообразовательные модели, оценочность и метафоричность в

семантике и т.д. Нередко эти понятия смешивались и использовались как синонимы: так, в группе «простонародных» слов отмечаем слова с той же явно сниженной стилистической окраской, что и в группе слов с пометой «просторечное»: *дылда, забубённый, запивоха, нехристь; валандаться, дрыхнуть, запропасться, налопаться, натрескаться* и мн. др.

В «Словарь русского и церковно-славянского языка» 1847 г. включены были и некоторые областные слова, но лишь «в таком случае, когда они с точностью выражают предмет и пополняют осязательный недостаток в языке» [Слов. Акад. 1847, 1: XII]. Однако слов с пометой «обл.» в словаре немного – из наших материалов это *балка, ветряк, козюля, кокурка, кондовый, лопоть, маханина, моряна, пал, рогач, сувой, тархан, хата, чумак, шаньга, шуга, шушун* и нек. др.

В «Опыте областного великорусского словаря» 1852 г., в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля (1863–1866 гг.) социальные и стилистические характеристики слов, относящихся к народно-разговорной речи, дополняются пометами, указывающими на принадлежность слов к территориальным диалектам, однако и на протяжении всего XIX в., и в XX в. в словарях продолжается смешение в отнесении слов к разряду просторечных или диалектных.

Тем не менее, имеющиеся словарные материалы позволяют с определённой степенью достоверности представить системное описание лексики конца XIX – начала XX вв.

Принципы отбора слов и выражений: слова и выражения из произведений писателей становились предметом рассмотрения в том случае, если они имели:

– пометы «простонародное», «просторечное», «областное» в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г.;

– ареальные пометы в «Опыте областного великорусского словаря 1852 г.»;

– пометы ареального, временного и стилистического характера в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля;

– пометы «просторечное», «областное», «устаревшее» или «специальное» в ТСУ;

были зафиксированы:

– в «Словаре русских народных говоров» (СРНГ);

– в одном из региональных словарей русского языка;

– в одном из словарей XIX в. без указаний на ограничение в употреблении как номинативы по отношению к реалиям крестьянского быта;

– в словаре В.И. Даля без указаний на ограничение в употреблении, но с пометами «областное», «просторечное» или «устаревшее» в одном из словарей XX в.;

– лишь в толковых словарях XX в. и имели хотя бы в одном из них помету «областное», или «просторечное», или «устаревшее»;

– не были зафиксированы словарями русского языка, но нашли подтверждение в опросах носителей современных говоров русского языка;

– имели фонетические, акцентологические или грамматические отличия от соответствующих слов литературного языка;

– особо рассматривались слова, не зафиксированные словарями русского языка и не сохранившиеся в речи современных носителей говоров.

Кроме того, были использованы данные фразеологических, этимологических и исторических словарей русского языка, записи современных говоров и результаты проведённых опросов.

2. Среди фонетических диалектных явлений в исследованных произведениях представлены: аканье: *тапёръ* (Б)², *жалайм* (З); яканье: *бряхать*, *бядовый*, *лятала* (Б); мена в ударном положении звука у на звук ы: *быдто*, *глыбко* (З) и обратная замена: *бесстудный* (З); следы древних носовых гласных: *зажмать* (Б); ассимилятивное смягчение заднеязычного к: *внучья*, *на речкю*, *постирушечья* – и по аналогии: *самоварчикья*, *чугунчикья* (Б); следы фрикативного *γ* – *γ'* в начале слова: *слава тебе осподи*, *енаральша* (Э), *иде (йде)* (Э, Б); замена согласных *ф* – *ф'* звуками *х* – *х'*, *хв* – *хв'*, *п*: *ахвицерша*, *бухвет*, *Глахвера*, *тип* («тиф»), *хватаера*, *штрах* (Э), *хлаг*, *Ахванасий* (Б) – и связанную с этим явлением замену под влиянием литературного языка *х* на *ф*: *куфарка* (Э); замена *в* [w] на *у* в начале слова перед согласным: *уверх*, *удова*, *ускочит* (Б); произношение на месте прежнего губно-губного *w* других согласных: *м* (на стыке морфем, воспринимаемое в современном русском языке как просторечное) – *вытимиши* (Э, Б); *л* [l] (рядом с лабиализованным гласным) – *слободно* (Э), *ослободиться* (Б), *слободный* (З); *р* – *скрозь*, *наскрозь* (Б); выпадение звука *w* в интервокальном положении рядом с лабиализованным гласным: *деушка*, *пуак* (с меной гласных) (Б); произношение долгих твёрдых шипящих согласных: *ишишо*, *помешшик* (Э), *дожжжок*, *хрушиши* (Б), *училишиша* (З); широкое использование протетических звуков: *аржаной*, *ентот*, *инде*, *ктой-то*, *ктой-то*, *орепей*, *по-эфтому*, *эстот* (Э), *задвохнутья*, *пашеничный* (Б); мена звуков: *ведмедь* (З), *ловчак* (Э); следы отворения *р*: *рыга* (Э, Б), *стрычь* (З); особое ударение в словах: *вёсну*, *либо*, *потом* – нареч. «потом» (Э), *густый*, *засуха*, *простый*, *ракушка*, *родный*, *туча* (Б).

Грамматические диалектные особенности: изменение существительных среднего рода по образцу существительных женского рода: *дело особая*, *одна баловство* (Б), *лунь седая* (З); форма множественного числа существительных с основой на *j*: *волосья* (Э), *омутья* (З); окончание *-е* у существительных первого склонения в родительном падеже: *нету козе* (Б); своеобразие в родовой принадлежности отдельных слов: *жаворонка* (З), *полын* (Э); форма личного местоимения *табе* в дательном и винительном падежах (Б); предлогные конструкции личных местоимений: *от ей*, *у ей*, *вокруг ей*, *около ей*, *в ей*, *с ей*, *на ём* (Э); компаративы с суффиксами *-aj*, *-aje*: *скорый* (Б), *скорые* (Э); конечный *-т'* у глаголов 3-го лица: *нейдётся*, *ходить* (З); отсутствие конечного *-т* у глаголов 3-го лица единственного и множественного числа: *будя* (Э, Б, З), *захохоча*, *служба*, *хоча* (Б); изменение

² Б – Буниц, З – Замитин, Э – Эртель.

глаголов по образцу первого спряжения: *пчёлки гудут* (Э), *не стоят* (Б); чередования согласных *з – з'* в основах глаголов: *стерегёт* (Э), *стрыгёшь* (З); формы инфинитива со вторичным *т'*: *подтичь* (Э), *зайтичь*, *отойтичь*, *уйтичь* (Б), *выйтичь* (З), *итичь* (*иттичь*), *пойтичь* (Б, З); повторяющийся предлог *у*: *у чужом у краю* (Б), *у щёлки у своей у заборной*; *у виноградном у вино* (З) и др.

Указанные фонетические и грамматические явления типичны для южнорусских говоров. Среди них ряд явлений характеризует противопоставленные различия между севернорусским и южнорусским наречиями: неразличение гласных неверхнего подъёма после твёрдых и мягких согласных во всех безударных слогах; фрикативный *γ*; произношение слов *пашеница*, *иде́*; последовательная замена *ф* на *х*, *хв*; окончание *-е* у личных и возвратного местоимений в формах родительного, винительного, дательного, предложного падежей; конечный *-т'* у глаголов 3-го лица единственного и множественного числа; совпадение гласных в безударных окончаниях 3-го лица мн. числа глаголов и др. [см.: Русская диалектология 1989: 202–203; Русская диалектология 1965: 252–256].

Среди фонетических и грамматических явлений, отмеченных в произведениях писателей, есть те, которые характерны для говоров Юго-восточной диалектной зоны (куда входят воронежские, тамбовские и лебедянские говоры). Это ассимилятивное прогрессивное смягчение заднеязычного согласного *к*; окончание *-ая* в им. пад. ед. ч. прилагательных среднего рода; форма им. пад. мн. ч. с окончанием *-а* у существительных женского рода с основой на мягкий согласный; постфикс *-си* у возвратных глаголов; деепричастия прошедшего времени с суффиксом *-миш* [см.: Русская диалектология 1989: 209; Русская диалектология 1965: 279].

Наблюдения над структурой ряда слов демонстрируют свойственную народно-разговорному языку тенденцию к контаминации языковых явлений, в результате чего слова «обмениваются» своими структурными элементами: *огромáдный* (из *огро́мный* и *грома́дный*), *возверну́ться* (из *верну́ться* и *возврати́ться*), *великаты́ный* (появившееся в русском языке, по мнению Г.П. Князьковой, из французского *деликатный* как «переоформленное» и получившее своё значение «гордый, важный», по нашему мнению, под влиянием формы и семантики прилагательного *велича́вый*), *бестудный* (*студ* – «стыд» (церк.-слав.) и *бессты́дный*) и др.

Ряд оснований, по которым языковые явления относятся к области просторечия, в разное время был отмечен в работах В.В. Виноградова, В.Д. Девкина, А.Н. Ерёмкина, А.Ф. Журавлёва, Е.А. Земской, Г.П. Князьковой, Л.П. Крысина, В.И. Собинниковой, Д.Н. Шмелёва и др. исследователей.

Наличие в просторечии ряда слов во многом обусловлено их генетической отнесённостью к русским вариантам слов, имевшим дублиеты в старославянском языке: *ворог*, *пуцать*, *рожаться*, *сообща* (Э), *угожать* (Б), *злючий* (З), *оде́жа* (Э, Б, З).

Просторечный характер получило явление, связанное с образованием в древнерусском языке дифтонга *yo* из *o* под восходящей интонацией, в результате чего в дальнейшем дифтонг *yo* дал в ряде говоров в отдельных словах *во: вострый* (Э, Б, З) и различные образования с *востро*: *востроглазый, востряк* (Б), *востроносый* (З), *воструха* (Э).

С существующей в южнорусских говорах заменой согласного *в* (*w*) на *у* в начале слова и перед согласными связано обратное явление – замена этимологического *у* на *в*: *вдарить, вдариться* (Э, Б, З).

Получают просторечное звучание многие иноязычные слова: *браллиант, блюзка, енарал, камедь, мамзель, резонт, пашпорт, сигнации, талан, фершел, роман, процент* и др.

Грамматические особенности просторечия связаны прежде всего с «избыточными» аффиксами в структуре слова: *бывалоche, вспомогать, спрашивать, завсегда, задаром, задёшево, занарасно, изобидеть, надоть* и мн. др.; с редукцией слов: *вряд, грит, мошенство, примать* и др.; с отсутствием или, наоборот, необоснованным наличием постфикса *-ся*: *заблудить, попытать, бунтоваться, надуматься, попиться, сообразиться* и др.

Широко представлены в просторечии оценочные номинативы и атрибутивны «лица» со свойственными этой категории аффиксами: *-ак (-як) (босьяк, голяк, летняк, ловчак, резак), -ан (горлан, пузан), -ун (брехун), -ень (злыдень, младень, оголтьень), -ик, -ник (беспутник, бродник, висельник, охальник, печальник, скрытник), -ец (родимец, народимец, шельмец), -ырь (немырь), -аг(а) (миляга), -ок (говорок); -ат, -аст (-яст) (брюхатый, будылястый, носастый, седатый и седастый, щербатый)* и др.

Большой пласт выявленных просторечных слов характеризуется иными в сравнении с литературным языком аффиксами: *беднять, беспременно, вблизу, взаправду, владать, впервой, вскорости, вспомнаться, вечерась* и др.

Весьма продуктивны префиксальные и префиксально-постфиксальные образования: *вывершить, изболеть, забояться, загибнуть, извихляться, истянуться, иссидеться, налопаться, натрескаться, нахлебаться, надрызгаться, накорогодиться, накулюкаться, налакаться* и мн. др.

Продуктивными оказываются образования, созданные при помощи циркумфиксов: *заворотень, загривок, загуменник, подпечье* (З); *заглазный, оголовок, охвостье, подворье, подторжье* (Б); *загорбок* (Э); *заговорок* (Э, Б, З).

Тяготеющими к просторечию в указанный период являются глагольные образования с двумя префиксами со значением дополнительного действия, усиления или постепенного его развёртывания: *повывихнуть, повывунуть, повысмотреть, порассказать, упоместить* (Э), *повысунуть, повынать, произяснять, насбирать* (З) и др., образования глаголов при помощи суффиксов *-ива-, -ыва-, -ва* со значением многократности действия, имевшего место в прошлом: *говаривать, дельвать, знавать, пивать,*

саживать, сказывать, соби́рывать и др., глаголы с аффиксами *-ануть*: *стрека́нуть, толка́нуть* (Б), *сига́нуть* (Б, З); формы глаголов повелительного наклонения *стано́вь, скрадь* (Э).

Ряд просторечных глаголов имел в своем составе префиксы, которые придавали им дополнительные семантические оттенки в сравнении с общеупотребительными словами: *вы́слепить* («ослепить совсем или всех»), *прие́сть* («съесть без остатка»), *приме́реть* («умереть – о всех или многих»), *приспе́ть* («успеть к назначенному времени»), *раздоста́ть* («доставить с трудом») и др.

Многие указанные признаки, позволяющие квалифицировать то или иное явление как просторечное, характерны и для современного состояния языка, однако, по наблюдениям лингвистов, просторечие второй половины XIX века в целом резче отличается от современного просторечия, чем такие же соотносительные во времени планы литературного языка [см.: Ерёмин 2001: 60–61], что в целом подтверждают представленные в данной главе материалы.

3. Основное внимание в данной главе уделено лексико-грамматическому описанию диалектных и просторечных слов в произведениях А. И. Эртеля, И. А. Бунина, Е. И. Замятина. Для этого мы избрали путь описания важнейших СП и ТГ, объединяемых диалектной или просторечной категорией. Поскольку словари русского языка во многом противоречивы в стилистической и ареальной квалификации рассматриваемых слов, такое рассмотрение лексики проводится поэтапно, начиная со словарей XIX в. Особо выделяются слова, не зафиксированные в словарях XIX в.

Следует отметить особенности, связанные с лексикой, зафиксированной только в СРНГ. Во многих случаях она имеет отличия от литературного языка лишь на фонетическом или грамматическом уровнях, на основании чего не попадает в толковые словари русского языка: *доважливаться, комарь, необнаковенный, орелей, подтить, попиться, ссилить, старинский* (Э); *бережной, зажмать, заучать, кровя, некуда, однакось, отцеда, починать, салаш, сообщá* (Б); *жаворонка, изусталый, кромя, кругалём, навозрыд, наскорях, спортить* (З) и др. Однако нужно назвать и имеющиеся в словарях многочисленные примеры нарушения этого принципа, т.е. примеры включения в словари тех слов, которые отличаются от литературных эквивалентов фонетически или грамматически: *аржаной* [Опыт, Даль], *баушка* [Опыт, Даль], *бечь* [Даль, ТСУ], *болесть* [Даль, БАС], *взбудить* [Даль, БАС], *владать* [Даль, ТСУ, БАС], *вострый* [ТСУ, БАС, МАС] и мн. др. Обилие и разнообразие подобных примеров позволяет нам рассматривать и лексику, которая представлена только в СРНГ или региональных словарях русского языка и имеет лишь фонетические или грамматические отличия от слов литературного языка.

Системный подход к исследованию лексики народных говоров, активно разрабатываемый с 60-х гг. XX столетия (Р.И. Аванесов, Л.И. Баранникова, О.И. Блинова, В.Е. Гольдин, Т.С. Коготкова, Б.А. Ларин,

И.А. Оссовецкий, Ф.П. Филин и др.), остается одним из наиболее плодотворных и в современных исследованиях. Изучение тех говоров, которые входят в область нашего исследования, в системном аспекте представлено работами Н.П. Гринковой, С.Ю. Дубровиной, В.И. Дьяковой, С.И. Коткова, В.Н. Кретовой, М.В. Пановой, С.В. Пискуновой, В.Г. Руделёва, В.Ф. Филатовой, В.И. Хитровой, А.Д. Черниковой, Г.Л. Щеулиной и др.

В современной лингвистике в связи с активным развитием когнитивного направления, рассматривающего язык как основное средство выражения знаний о мире, способствующее осмыслению национальной языковой картины мира, перспективным в изучении лексики народных говоров является исследование лексико-семантических полей и лексико-семантических и тематических групп слов (В.П. Абрамов, Ю.Н. Караулов, А.М. Кузнецов, А.А. Уфимцева, Р.И. Хашимов, Т.С. Щур и др.). В данном исследовании выделение СП и ТГ проведено с опорой на частеречную характеристику слов, что дало возможность описать лексику и незначательные части речи (см. Приложение 1).

3.1. В классификации субстантивной и атрибутивной лексики представлены следующие СП:

А. «Человеку». Здесь выделяются ТГ:

1. Внешний облик человека («наименования человека по возрастному и гендерному признаку»: *жёнка, меньшой, малюкан, младень, робёнок* и др.; «наименования частей тела человека»: *бельма, буркалы, загорбок, загривок, зёнки, курнофёйка, мамон, мослак, мурло, подбрёдок, хрип* и др.; «характеристика человека по его физическим особенностям»: *бугай, гайдук, дробный, жидкий, жихморозь, ледащий, могутный, праховый, утробистый*; «оценка внешности человека»: *конопатый, кудлатый, мухрыш, отёрханный, расхристанный, чумичка* и др.).

2. Особенности характера человека: *безответный, бережной, бестудный, бойчёрный, забубённый, наябливый, скучливый, тороватый* и др.

3. Умения и способности человека: *дошлый, ловчак, мастак, некулёмый, письмённый, путный, скорохват, ухватистый* и др.

4. Характеристика ума человека: *башковитый, долдон, дуботолк, дундук, дуралом, облом, олух, полоротый, с бусорью, сиволан, толкушка* и др.

5. Особенности речи человека: *балаболка, баяльник, брехун, брехучий, брэх, галман, горлан, долдон, зевластый* и др.

6. Лексика, используемая бранно по отношению к человеку: слова, используемые как номинативы – *гужеед, дармоед, душегуб, живоглот, живорез, злыдень, клуша, кобыла, рукосуй, рвань* и др.; слова, не являющиеся номинативами, а лишь служащие цели унижить, оскорбить собеседника или выразить злость, раздражение и т.п. чувства говорящего – *бестия, леший, родимец, чёрт* и др.).

7. Характеристика человека по роду занятий: *годный, дёньщица, игрица, летник, говорок, водонос, коновал, копач, обозчик* и др.

8. Наименования человека по его родственным связям: *ба́тя, жё́нка, папа́ша, племя́ш, супру́жница* и др.

9. Наименования болезней и болезненных проявлений: *бо́ль, бо́леть, бо́лесть, бо́лесть лихая, бо́лесть дурная*.

10. Характеристика человека по его социальному положению (общая характеристика: *бобы́лка, бобыль, бродни́к, векову́ша, междво́рка, прохо́жий* – «беглый, бродяга из ссыльных», *шва́бра* – «низкие, дрянные люди (соби́р.)», *обсе́вок* – «сирота, одинокий человек» и др.; наименования человека по признаку «бедный, нищий»: *бездо́мовник, беспорто́шник, голоштанни́к, голь, гольтепа, мяки́шник, нищебро́д*; характеристика человека по его отношениям с другими людьми: *благоприя́тель, полюбо́вница, раде́льница, сусе́д* и др.; наименования человека другой народности или веры: *иноро́дец, каца́п, нехри́сть, самое́дин, хохол*).

11. Лексика, связанная с обрядовыми действиями: *голосьба́, домо́вина, дру́жка, ксти́ны, поезжа́не, подневе́стница* и др.

Б. «Бытовая сфера». Это СП представлено двумя частными СП: «Социальный быт» и «Домашний быт».

Социальный быт характеризуют ТГ: 1) «хозяйственные постройки, предназначенные для всеобщего пользования»: *ветря́к, ветря́нка, карау́лка*; 2) «устройство села»: *зады́, околи́ца, поря́док* – «улица в селе», *сборня́*; 3) «денежные отношения»: *квито́к, магары́ч, ме́щина, сотельная* и др. Кроме того, выделяются слова других семантических объединений: *вечё́рки, жале́йка, жо́шка, караго́д, кулю́чки, ку́ны, побаска́, страда́тельная, улица* и др.

СП «Домашний быт» значительно многочисленнее и разнообразнее по выделяемым здесь ТГ:

1. Усадьба и её части: *загуме́нник, за́дворок, лева́да, огоро́жа* и др.

2. Жилой дом и его части: *го́рница, застрё́ха, князе́к, ку́т (куть), мазанка, оконни́ца, пелена, подкле́тье, приту́га, хата, хибара* и др.

3. Надворные постройки и их части: *варо́к, вере́я, вы́ход, денни́к, жеребятни́к, заку́та, кату́х, курни́к, переме́т, погребя́ца, пуны́ка* и др.

4. Средства передвижения и их части: *kozýрьки, колы́мага, копы́лья, наво́зница, че́ка, шворе́нь* и др.

5. Домашняя обстановка и утварь: *ара́пельник, вожжо́вка, вяхи́рь, гаман, гнето́к, гру́бка, дежа́, долбле́нка, дро́к, за́гнетка, колгу́шка, колун, коре́ц, кагана́ц, коло́к, косы́рь, кры́нка, лежа́нка, махотка, оборка, подпече́, рубель, суля́, тавли́нка, туес, укладка, хребту́г* и мн. др.

В. «Производственная сфера». Всю производственную лексику, выявленную в произведениях писателей, мы разделили на пять частных семантических микрополей, объединяющих в себе лексику полеводства, садоводства и огородничества, животноводства, ремесел, рыболовства:

1. Полеводство («земля и обработка земли»: *взме́т, жнивьё́, за́лог, новь́, обсе́вок, осми́шник (осьми́шник)* и др.; «зерновые культуры и их отходы»: *аза́дки, галка́, жнивьё́, зеле́ня, кла́дь, лу́зга, невейка́, одо́нь, оме́т, поше́ница, старно́вка* и др.).

2. Садоводство и огородничество (*бакча, бахча, баштайн, вилок, дуля, падалыцы*).

3. Животноводство» («животные и птицы, живущие при доме» – *битюк, бузай, валух, клюшка, кочет, подтёлок, третьяк* и др.; «корма для животных» – *месиво, мясатка, резка, халуи, хоботье* и др.).

4. Ремёсла («ткани и их изготовление» – *веретье, дерюга, замашка, кросно (красна), посконь* и др.; «обработка шерсти» – *волна, кудель, смушка*).

5. Рыболовство (*вентерь, вёрша, ковш, кубарь, мотня, тоня* и др.).

Г. «Природа»:

1. Наименования рельефа местности (овраги и впадины: *банка, буграк, верх, водомоина, завал, лог, яр, яруга*; возвышенности, подъёмы и спуски: *взолок, взлобок, взлобье, изволок, раскат*; луга и низменности: *извал, кочкарник, подолье, разлужье*; родники и водоёмы: *артеба, бучило, глыбь, криница, окладина, плёс, сажалка, студенец*).

2. Дороги и их состояние: *большак, глудка, калмышки, колдобина, колочь, лыва, повёрток, прогон, росстань, стёжка, шлях* и др.

3. Лесные массивы, деревья (и их части), растения: *акатник, бодяк, верболоза, вёх, дерева, заказ, козельчик, колок, конопи, куга, лесовка, облонок, ореней, очерёт, подсед, полынь, сергибус, татарка, чурак* и др.

4. Дикие животные, птицы и насекомые: *ведмедь, дряхва, жаворонка, зверок, касатка, козуля, комарь, корамора, куропть, лягва, отонок, пуак, рыбака, трус, чеканка, шворец* и др.

5. Слова из области метеорологии: *завируха, зазимок, замаять, засуха, изгарь, кура, марево, мокреть, молонья, морок, мочливый, надым, обломный, окладной, подзёмка, прохолодь, ростпель, сувой, сухмень, туча, чичер* и др.

Д. «Мифологическая лексика»: *алатырь, антихрист (анчихрист), анчутка, дворовой, лешак, лихоманка, лукашка, окашка, омрак, народимец, полуденница, постен, родимец, хозяин, хохлик, шат, шиликун, шишига*.

Кроме того, в диссертации рассматривается богато представленная в народных говорах лексика с отвлечённой семантикой, а также лексика, не вошедшая в указанные семантические объединения.

В составе лексем второй группы обращают на себя внимание единицы, относящиеся к терминологической системе народных говоров. Имеющиеся в лингвистике исследования говорят о недостаточной разработанности данной проблемы, что находит отражение в словарных пометках к тем словам, которые могут образовывать терминосистему народных говоров. То, что словари во многом противоречивы в стилистической и функциональной характеристике слов, отмечалось исследователями неоднократно, однако по отношению к словам специальным и профессиональным такая словарная характеристика является нередко необязательной и случайной (см. пометы к словам *белотурка, беляки, ворох, грохот* и др. в ТСУ, БАС, МАС, СРНГ).

Специальная и профессиональная лексика, представленная в произведениях писателей Центрального Черноземья и маркированная в словарях русского языка пометами *с.-х., техн., спец., рыб., мор., охот., кулин., ветер., спорт.* и т.п., обнаруживает довольно многообразные сферы применения: сельскохозяйственная – *взмёт, ворох, жмых* и др.; животноводческая – *выжеребка, вылегчить, запал, подсед* и др.; коннозаводческая – *маточная, маточник, сбой* и др.; рыболовецкая – *вентерь, верша, ярус*; охотничья – *борзой, прибылой, привада, чернотроп* и т.д. Однако, как показывают материалы, представленные в данной главе, многие лексемы, зафиксированные в словарях русского языка с пометами областного характера, могли бы пополнить данные ряды специальных наименований (например, наименования человека по роду занятий, лексика, характеризующая производственную деятельность, социальный быт, обрядовая лексика и т.д.).

3.2. Представленная в диссертации классификация глагольной лексики демонстрирует значительное многообразие ТГ, состав которых позволяет говорить о семантических особенностях данной лексической сферы.

Глаголы, обозначающие состояние человека и действия, направленные человеком на себя, образуют группы, неравнозначные в количественном и стилистическом отношении. Немногочисленные объединенные глаголы, характеризующих умения, приобретенные человеком (*гожаться, наостриться, наметаться, насобачиться*) и присущие человеку от рождения (*бачить, дрыхнуть, дышать, зарить, слушать*). Единичными примерами представлены группы глаголов со значением «смеяться, улыбаться» (*гоготать, грахнуть, перекосоуриться, ржать, щериться*), «плакать» (*заголотить, разрюмиться*), «предполагать, надеяться, ждать» (*гадать, огадывать, годить, охотиться, чаять*), «получить, добыть что-либо» (*выпрашивать, заполучить, оттягать, разжиться, насбирать, справить*), «упасть, удариться» (*бжкнуться, жмякнуться, сверзиться, убится, чебурахнуться*), «родить, родиться» (*народиться, приносить, скинуть*).

Самыми значительными по количеству представленных в них лексем являются группы глаголов движения (*бечь, блукать, выбегать, возвращаться, гонять, итить, колтыхать, приволочься, приплестись, пройтись, улепётывать, шататься, шлындать* и мн. др.) и глаголов говорения (*балакать, баять, брехать, буровить, спрашивать, гутарить, зянуть, кропаться, лаяться, лотошить, хаять, отбрёхиваться, рвякнуть* и мн. др.).

Разнородны выявленные группы слов и по количеству представленных в них диалектных и просторечных единиц. Так, глаголы ощущения являются по преимуществу просторечными лексемами: *взопреть, задубенеть, запалиться, засвербеть, застыть, измаяться, ознобить, рассоловеть, рассолодеть, угреться, умориться* и др. Преимущественно просторечный характер носит глагольная лексика со значением «есть и пить»: *лопать, нажраться, натрескаться, уписывать* и др.

Превосходящей примерно в три раза диалектную является просторечная лексика и в группе глаголов, характеризующих ум, память человека (*вспомнить, догадать, замститься, запоминать, поумекать, напеть, помекать, удумать* и др.) и внешний вид человека (*изгаздать, заголиться, замызгать, захлюстать, напаялить, обрехаться* и др.).

В целом можно отметить, что глагольная лексика, обозначающая состояние человека и действия, направленные человеком на себя, является по преимуществу просторечной (59,3 % от общего количества слов в данной группе) и эмоционально-экспрессивной, что связано как с метафорическим переносом наименования, так и с формальным признаком экспрессивности у ряда глагольных аффиксов.

Количество диалектных и просторечных лексем в группе глаголов, характеризующих трудовую деятельность человека, в целом почти одинаково: 48,3 % и 51,7 % соответственно. Однако в частных тематических объединениях соотношение диалектизмов и просторечных слов меняется. Только просторечная лексика представлена в группах глаголов со значением «делать что-либо с азартом» (*отжаривать, резаться, откатать, отхаживать*), «прятать (прятаться)» (*хоронить, хорониться*), «поднять (подняться) вверх» (*взбодриться, вздеть, вздрать*). Преобладают просторечные наименования действий в группе глаголов со значением «делать что-либо быстро, хорошо» (*оборудовать, оборотиться, потрафить, спроворить*).

Только диалектизмы зафиксированы в объединениях глаголов, связанных с сельскохозяйственными работами: *навивать, орать, подбивать* – подсека́ть, срезать косо́й; докаши́вать (траву), *рушить* – «дробить, крошить».

Среди глаголов, определяющих характер и поведение человека, выделяются просторечные лексемы со значениями «противиться, упрямиться» (*артачиться, ерепениться, кобениться, кочевряжиться*), «шалить, проказничать», «вести себя разгульно» (*бойчиться, выкомаривать, дуросветить, чередить, шалберничать*).

Целый ряд глаголов связан по значению с предосудительными действиями человека, среди которых преобладающими также являются лексемы просторечного характера: глаголы со значениями «обмануть», «переложить вину на другого» (*обвиновать, обделать, облапошить, околпачить*), «украсть» (*свистнуть, спереть*), «испортить, навредить» (*подгадить, подкузьмить, располосовать, расхватить*), «ударить, побить»: *взлупцевать, всыпать, выдрать, гвоздануть, жигануть, засветить, звездануть, накостылять, огреть, отгладить, расквасить, съездить, шмурыгнуть* и мн. др.

Только к просторечной лексической системе относятся глаголы со значением «убить»: *порешить, прихлопнуть, пришибить, уgomонить, уколочить, уколотить, упокоить*. Также по преимуществу просторечными являются глаголы со значениями «сделать что-либо с силой»: *высадить, напхать, протурить, спровадить, шмякнуть, «пить хмельное, пьянство-*

вать»: *вспры́снуть, дёрнуть, дря́нуть, накуло́каться, налакаться, нахлебаться, опохмелиться, охмелиться, хлопнуть*.

Яркой оценочностью обладают просторечные глаголы со значением «иметь предосудительные отношения с кем-либо»: *подка́тываться, снюхаться, стакнуться, улестить, улещать, хороводиться, якшаться*.

Разнообразна глагольная лексика, связанная по семантике с областью человеческих чувств: грусти, огорчения (*гориться, жалиться, жалобиться, крушиться, скучиться*), гнева, неудовольствия (*серчать, злбиться, яриться*), страха, растерянности (*пужаться, ужасаться*), любви, привязанности друг к другу (*долюбить, жалковать, обожаться*) и т.д.

Глаголы, представленные в других тематических объединениях, характеризуют лексику народных говоров в таких областях, как «народные обряды и поверья» (*блзнить, кстить, присушить, скидываться*), «поведение животных и насекомых» (*забрухат, жилиать, жустрить, закатать, казакать, кахат, козлекать*), «природные явления» (*заколотить, ободнять, примеркать, распогодиться*) и др. Немногочисленна лексика, называющая действия, относимые к неодушевленным предметам: *блскасть, залубенёт, заскорузнуть, захрястаться, настрять, похилиться, хряснуть* и др.

3.3. Наречная лексика, выявленная в исследованных произведениях, демонстрирует заметное разнообразие по говорам: слова с пометами областного характера значительно преобладают (60 %). Среди них качественные наречия: *гаведно, гарно, глыбко, склизко, свободно, чижало, чудно*; наречия образа действия: *бесперечь, впыльн, всугонь, дурам, изнавесть, исполу, испрохвала, наскосяк, огулом*; наречия времени: *летось, лоньсь, надьсь, наране, николи, нонче, однава, онадысь, онамнясь, позавчэра, сёдни, утресь*; места: *издаля, откедова, откулева, оттедова, оттуля, посе-редь* и т.д.

3.4. Специальное рассмотрение в работе получили также местоимения и слова **незнаменательных частей речи** (предлоги, союзы, частицы, междометия и слова, используемые в предложении в функции сказуемого и в роли вводных слов). Лексический состав этих частей речи также свидетельствует о преобладании в них диалектных единиц, за исключением междометий и слов, используемых в предложении в качестве сказуемого, что объясняется их семантической природой, связанной у междометий со свойственной им эмоциональной окраской, а у слов в качестве сказуемого – с их предикативной характеризующей функцией, способствующей созданию экспрессивности текста.

Таким образом, общий системный анализ представленного в данной главе материала показывает, что слова почти всех ТГ и слов отдельных частей речи демонстрируют значительную дифференциацию лексики по говорам. Соотношение диалектных и просторечных слов в различных семантических объединениях варьируется в зависимости от предмета описания: просторечная лексика превалирует в целом в СП «Человек», однако уступает в количественном отношении диалектным словам в ТГ, характе-

ризующих человека по роду занятий и по родственным отношениям. Значительное преобладание диалектных слов отмечается в СП «Бытовая сфера» и в составе обрядовой и мифологической лексики.

4. Соотношение диалектных и просторечных слов в произведениях писателей, а также характер использования лексики различных семантических групп в диалектно-просторечной системе языка обусловлены неодинаковостью теоретических установок писателей на показ действительности.

Свойственное А.И. Эртелю тяготение к реалистически-документальному воспроизведению действительности находит выражение в преобладании в его произведениях той лексики, которая характеризуется прежде всего номинативной функцией и относится в большей своей части к таким тематическим группам, как «внешний облик человека», «характеристика человека по роду занятий», «наименования родственных отношений». Большим разнообразием в его произведениях отличается лексика, определяющая социальное положение человека: *благодаритель, дружка, знакомец, однодеревенец, односелец, полюбовница* и др.

Детальное описание у А.И. Эртеля получает бытовая сфера, однако при богатстве лексем, характеризующих социальный быт села, крестьянский дом и надворные постройки, наименования предметов домашней обстановки и утвари у него немногочисленны: *аяхирь, дерюга, жбан, носилка, оборка, сечка, тавличка, туес* и нек. др., что может быть объяснено стремлением писателя к показу крестьянина прежде всего в новых социально-политических условиях пореформенной деревни.

Вместе с тем, реалистическое изображение человека, существующего в непростых отношениях с другими людьми, и вызванное этим наличие большого количества диалогов требовало от автора лексики, выполняющей не только номинативную, но и характеризующую функции. Среди таких слов выделяется лексика, используемая в качестве обращений, причём среди них немало слов с положительной окраской (*болезный, желанный касатка, лебёдка, сердешный* и др.), что связано с особым отношением писателя к русскому крестьянину. Много у А.И. Эртеля и слов с бранным значением: *аспид, бестия, грывза, гужеед, дармоед, живорез, идол, ирод, клуша, кобель, кобыла, лёший, паскуда, ракалия* и мн. др. — таких слов в его произведениях зафиксировано больше, чем в произведениях других писателей. Значительные диалоговые контексты в произведениях А.И. Эртеля во многом обусловлены влиянием на него стиля писателей-демократов П. Засодимского, Ф. Решетникова, Н. Слепцова, Н. Успенского, в сочинениях которых диалог преобладает над авторской речью и содержит множество лексем из народно-разговорного словаря.

Для И.А. Бунина превалирующими в языке его произведений являются группы слов, оценивающие человека по его внешнему виду, характеру, дающие представление о производственной деятельности человека — таких слов у И.А. Бунина значительно больше, чем в произведениях других писателей. Детализированно представлен у И.А. Бунина домашний быт

крестьянина. Преимущественно только в произведениях И.А. Бунина представлена лексика природы, в том числе предметная и глагольная, характеризующая диких животных, птиц, насекомых.

При этом в произведениях И.А. Бунина отмечается более широкое, чем у А.И. Эртеля, образное использование диалектно-просторечной лексики: в сравнениях употреблены писателем такие слова, как *вар*, *гайдук*, *килень*, *колгушка*, *обсевок*, *шалельый*, *шишига* и др.; в переносном употреблении отмечены лексемы *бугай*, *обсевок*, *чека*, *чушка*, *шугай*, *юшка* и др.

Однако в использовании образных средств заметно выделяются произведения Е.И. Замятина, в которых переносное употребление получают слова самых разных тематических групп (*буерак*, *вихрястый*, *кудлатый*, *животина*, *мураш* и др.), а на основе слов многих лексических объединений писатель строит сравнения (*бучило*, *ведмедь*, *ветрянка*, *дежда*, *игрень*, *колгушка*, *куропть*, *кочет*, *телуха*, *кутафья*, *лешак*, *лихоманка*, *сидяка*).

Теоретическая установка писателя на образное, зрительное воспроизведение действительности объясняет преобладание у него слов, оценивающих человека по самым разным признакам (части тела человека, его внешний вид, умственные способности, особенности речи).

Особый интерес в произведениях Е.И. Замятина представляет многообразная и детализированная лексика, называющая старинные блюда и кушанья: *заспennик*, *калитка*, *кокурка*, *колдуны*, *крупеник*, *маковник*, *овыдник* и мн. др., что, по мнению писателя, достойно самостоятельного изображения.

Богата, разнообразна и функционально значима у Е.И. Замятина мифологическая лексика (*анчутка*, *луканька*, *окаяшка*, *полуденница*, *постен*, *хохлик* и др.), в связи с чем в нашей работе она получила подробное описание. В то же время у Е.И. Замятина скудно представлена лексика, характеризующая человека по его умениям, способностям, роду занятий. Единичны примеры слов, описывающих социальный быт деревни и производственную деятельность, немногочисленны слова описания природы.

Различное отношение писателей к представлению в художественном тексте действительности проявляется и в характеристике лексики по количеству общих для их произведений лексем. Фактический материал, представленный в Приложении 2, показывает, что процент таких слов в произведениях даже двух писателей невелик: например, для СП «Человек» это примерно 11 %, за исключением ТГ, называющей части тела человека, где общих лексем зафиксировано 46 %. Почти отсутствует общая лексика среди обрядовых слов (только *дружка*, *поезжанин*), в большой группе обращений (*болезный*, *желанный*) и большой группе бранных слов (*гайман*, *живорез*, *родимец*, *хрыч*, *шалава*). Не зафиксировано общих лексем в наименованиях человека по признаку «бедный, нищий», в характеристике человека по его отношениям с другими людьми, в назывании человека другой народности или веры.

Иная картина наблюдается в СП «Бытовая сфера» и «Производственная сфера», где количество общих слов по разным семантическим груп-

пам колеблется от 30 % до 80 %. Словам данных объединений свойственно прямое номинативное значение – в отличие от слов с характеризующими признаками, где свобода выбора писателя достаточна велика.

Таким образом, отражённые в художественных произведениях восприятие и оценка писателями окружающей действительности осуществлены ими специфическими художественными средствами – «за каждым текстом стоит языковая личность» [Караулов 1987: 5], и речь автора является отражением его субъективной картины мира, – но в то же время демонстрируют общность их языковой основы, обусловленную генетическим родством народных говоров, носителями которых они являлись, и направленностью их творчества на художественное исследование русской деревни и провинциального города конца XIX – начала XX вв.

В 4 главе исследована региональная лексика и фразеология произведений А. И. Эртеля, И. А. Бунина, Е. И. Замятина с позиций ареальных, семантических, стилистически-функциональных особенностей.

1. Ареальная характеристика областных слов показала значительное преобладание лексем, известных как южнорусским, так и севернорусским говорам – 70 % от общего числа диалектизмов. Эта лексика представлена всеми частями речи и отмечена во всех тематических группах.

Слов, известных только в южнорусских говорах, зафиксировано 23,6 %: *валух, ведмёдь, волна, гирло, дёньщица, долдон, дулёб, корогод, катух, клуня, козюля, кудель, ляда, очерет, пелена; жаровый, никчомушный; буровить, возжсаться, ворохнуться, встревать, гандобить, жсиять, жундеть, замстить, каляниться, потанакивать; анадысь, богато, гарно, давишь, изнавесть; альник, близу, вещь, вычь, дык, ён, нешь* и мн. др.

Слов узлокальных (по словарным пометам) в целом выявлено 4 %. Среди них выделяется ряд лексем с единичной пометой «ворон.»: *брухучий, гаять, годный, дуросветить, кляповинка, козлекать, кочетное слово, кулижиться, окорот, отерханец, отлёк, подзашлычина*; с единичной пометой «орл.»: *зажундеть, обрывок, пристрять*; с пометой «дон.»: *жаворонка, загомозить, кулиберда, ссилить*; с пометой «тамб.»: *измутьскать, испрохвала, мурныкнуть; длинногачий, залиться, неужли* и т.д.

Заметим, что большая часть указанных слов, судя по проведённым опросам, известна также современным елецким и лебедянским говорам.

2. Особенности лексической семантики просторечия, получившие рассмотрение в данной главе, связаны прежде всего с ярко выраженной стилистической и эмоционально-экспрессивной окраской просторечных слов, отличающихся от стилистически нейтральных силой выражения чувств, переживаний, интенсивностью проявления действий. Такие слова, как правило, имеют синонимы в литературном языке: *башка, бельма, морда, рожка, физия; дрыхнуть, канючить, лаяться, грохотать, лопать, накулюкаться, облапошить, сдохнуть, трескаться, уписывать, шалберничать, шляться* и мн. др.

В то же время в просторечии функционирует лексика, имеющая основное значение. Такая лексика, как правило, входит в просторечие из диалектов, но имеет меньшее распространение, чем экспрессивная просторечная лексика, которая сформировалась за счёт специальных средств экспрессии, содержащихся в особых суффиксах, приставках, а также оценочных компонентов, переносных значений.

Значительная часть выявленных слов была известна просторечной системе предшествующих периодов в истории языка: названные в исследовании Г.П. Князьковой [см.: Князькова 1974] десятки просторечных по отношению ко второй половине XVIII в. слов сохраняют свой просторечный статус до настоящего времени.

В общем составе выявленных просторечных лексем обращает на себя внимание значительное количество слов, зафиксированных только словарями XX в. (около 20 %). Эти слова в большинстве своём обладают ярко выраженной эмоционально-экспрессивной окрашенностью, обусловленной чаще всего развитием у ряда нейтральных слов переносных значений, получающих просторечную характеристику. Использование таких слов в произведениях писателей конца XIX – начала XX вв. свидетельствует об их существовании в языке в указанный период, несмотря на отсутствие данных об этом в лексикографических справочниках.

3. Рассмотрение изменений в стилистической и ареальной отнесенности выявленных слов по отношению к современному состоянию русского языка показало, что большая часть слов сохранила свойственное им ограничение в употреблении.

Пометы, отражающие диалектный характер лексемы, сопровождают 72,6 % слов. При этом часть из них (4,5 %), судя по пометам «обл., устар.», постепенно уходит из языка (*киса, копотко, кормный, кут, лепота, магазей, нещечко* и др.). Для части диалектных слов словари современного русского языка дают помету «обл. и прост.», что может служить указанием на постепенное расширение ими территории распространения (2,1 %): *вертаться, дивоваться, допрежь, дюже, дюжий, ежели, ёрзкий, ёрзнуть, жисть, подталдыкивать, тятя* и др.

Часть слов утратила диалектный характер, перейдя:

а) в разряд просторечных (15,6 %): *брёх, буркалы, галда, лохмы, паскуда, духовитый, оголтелый, очумелый, склизкий, уедливый; бычиться, варганить, возжаться, встревать, гаркнуть, обыкнуть, очухаться, разязвить; манёнько, опосля, покудова, силком, склизко; аж, ин* и др.

Анализ данных слов показывает, что 1) легко теряет территориальное ограничение эмоционально-оценочная лексика, 2) переходит в просторечие лексика, обладающая широким ареалом, 3) пополняют разряд просторечных слова, являющиеся в разных говорах синонимами по отношению к одним и тем же реалиям, 4) теряют областной характер слова, отличающиеся от слов литературного языка специфическими или избыточными аффиксами.

б) в разряд разговорных слов литературного языка (2 %): *больша́к, заго́дя, захо́лнуть, распо́годиться, се́чка, хибара́, чудно́, чудоро́д, щербатый* и др. Часть таких слов служит наименованиями реалий, для которых в литературном языке нет соответствующих односложных наименований; для некоторых характерна экспрессивность, не имеющая явно сниженного характера, что позволяет таким словам пополнять лексику литературного языка.

в) в состав литературного языка – без ограничительных помет (3,2 %): *жалейка, левада, мазанка, осьминник, плавни, подтёлок, светёц, тарантас, хата, шлях, шушпан, шушун, яр, ясли* и др. Все они являются наименованиями реалий ушедшего крестьянского быта и выполняют в художественных произведениях прямую номинативную функцию, а потому рассматриваются в словарях как «материал общенационального языка», куда «прежде всего относятся слова, отражающие бытовую, хозяйственную и культурную стороны жизни крестьян и выходящие за пределы узкоспециального и местного значения» [БАС 1: 5–6].

В составе просторечной лексики также большая часть слов сохранила свой статус – 76 %. При этом часть просторечных слов переживает процесс устаревания (пометы «прост., устар.») – 11 %: *запамятовать, заступа, куды, надобно, надуматься, намедни, непригожий, неужли, нищерброд, промежду, физия* и др. 3,6 % от общего числа просторечных слов квалифицируются словарями как устаревшие: *барыш, ввечеру, вздевать, вряд, попритчиться, свербеть, уёмистый, целковый, шалберничать* и др.

Часть просторечных словполнила пласт разговорных слов литературного языка: *балаболка, беспутник, врасос, вихры, восвояси, впервой, глядь, заголиться, космы, опаска, сласть* и др.

Следует отметить и целый ряд слов, зафиксированных лишь в словарях XIX в. (4,6 %): *верхолёт, иссидеться, каё, крупитешный, напрекосердье, обродиться, потазать, пригласиться, приглушь, проняться, принаследный, хазина, хёзнуть, хохлик, шабунянь, ярушник* и др. Отсутствие их в словарях современного русского языка, как литературных, так и региональных, может рассматриваться как свидетельство их устаревания. Для многих из них в языке закрепились или более распространённые синонимы, или лексемы с аффиксами, свойственными литературному языку: *дрезбегливый, живётъ, нарвнях, наслед, озверяться, произъяснять, самоё, сумневаться, сусед, суседка, суседский, сустреча, хуторь* и др.

Таким образом, приведённые данные позволяют сделать вывод о том, что лексический состав народных говоров меняется медленно, однако процесс обогащения лексики литературного языка за счёт средств диалектно-просторечной системы языка продолжается.

4. Неотъемлемой составляющей характеристики крестьянского быта, хозяйства, социально-политических отношений в русской деревне и человека как части реального мира в определённую историческую эпоху является устаревшая лексика. Данная лексика рассматривается в диссертации

с двух позиций: 1) с позиций эпохи создания художественных текстов, 2) с позиций современного русского языка.

С позиций эпохи создания художественных текстов 3,3 % от общего числа выявленных нами слов имели в словарях XIX в. помету «стар.» («речение старинное», «старинный русский язык» [Слов. Акад. 1847, 1: XVII, VIII]): *абы, аж, аль, вёжа, вспомогать, избидеть, кружало, кстины, мочливый, наполю, нетути, оберучь, однава, оплечье, переходжий, повольть, помалу, посад, пристигнуть, робя, роденька, рыдван* и др.

Ряд слов имел помету «церк.» (1,5 %): *близу, врётище, заблудить, изничтожиться, искони, исполу, несказанный, несмысленный, остатний, плясавица, почто, рало, свара* и др. Составители Слов. Акад. 1847 г. осознали архаичный характер многих церковнославянских слов, которые не могли быть «удобоподвижны в своих формах» [Слов. Акад. 1847, 1: III].

Структура ряда из представленных слов указывает на причину их устаревания: многие лексемы (*близу, вспомогать, избидеть, наполю, нетути* и др.) заменились существовавшими уже в тот период в языке однокорневыми лексемами с другими аффиксами: в слов. Акад. 1847 г. без ограничительных помет представлены слова *вблизи, помогать, обидеть, пополам, нет (нету)*.

Другие слова подверглись архаизации, заменившись более употребительными или более приемлемыми синонимами: *кружало* – ср.: *кабак, трактир* в Слов. Акад. 1847 г. без ограничительных помет; *врётище* – ср.: *рубщице* в Слов. Акад. 1847 г. без помет и т.д. Общеупотребительные синонимы для большинства таких слов представлены в словарях в качестве их дефиниций (см. *пошлый, пригоже, причинен, ручник, почто, свара* и др.).

Часть слов ушла из языка вместе с утратой реалий, ими обозначавшихся: *однорядка, рыдван* и др.

Определяя особенности использования устаревших (применительно к эпохе создания художественных текстов) слов в произведениях А.И. Эртеля, И.А. Бунина, Е.И. Замятина, заметим, что значительно большая часть всех лексем с пометой «стар.» (66,6 %) отмечена в произведениях А.И. Эртеля, и одинаковое их число зафиксировано в произведениях И.А. Бунина и Е.И. Замятина – по 28,2 %. Слов с пометой «церк.» в произведениях писателей оказалось приблизительно одинаковое количество: по 35,3 % от общего числа лексем с такой пометой – в произведениях А.И. Эртеля и Е.И. Замятина, 41,2 % – в произведениях И.А. Бунина, однако характер использования устаревшей лексики в произведениях писателей различен.

А.И. Эртель, стремящийся к точному воспроизведению языка своей эпохи, максимально полно отразил лексику, характеризующую различные отношения в пореформенной деревне. Почти все лексемы из числа устаревших введены писателем в диалоги как яркое средство характеристики речи.

Этими же задачами в целом обусловлено введение устаревших слов и в язык произведений И.А. Бунина.

В произведениях Е.И. Замятина устаревшая лексика, в том числе церковнославянская, используется чаще всего как средство стилизации слога, а также как средство, способствующее ироническому описанию.

По отношению к современному состоянию русского языка устаревшими являются 15,3 % слов от общего числа лексем, выявленных в произведениях писателей. Тематическое разнообразие устаревшей лексики позволяет предположить, что пометой «устар.» могли бы быть сопровождаемы в словарях современного русского языка и многие другие лексемы, характеризующие прежний социальный и домашний быт, но не нашедшие подтверждения своего устаревания в специальных словарных пометах: *армяк, архалук, валёк, гарнец, ермолка, кика, мазанка, мурмолка, отпускная, повойник, чекмень, чувяк, чуйка* и мн. др.

Анализируя функции устаревших слов в художественном тексте, необходимо отметить, что закрепившаяся в современной лингвистике роль таких слов как «воссоздателей» колорита изображаемой эпохи применима в основном лишь к рассмотрению их с позиций современного русского языка, с позиций же эпохи создания произведений большая часть слов, маркируемых в современных словарях пометой «устар.», является во временном отношении нейтральной, синхронной своему времени.

5. Особое рассмотрение в данной главе получает диалектно-просторечная фразеология в языке писателей Центрального Черноземья. Под диалектно-просторечными фразеологизмами мы понимаем те устойчивые сочетания слов, которые ограничены в употреблении территориально или же входят в систему нелокализованной нелитературной речи и имеют целостное экспрессивно-оценочное значение. При этом мы разделяем существующую в лингвистике условность в разграничении диалектных и просторечных фразеологизмов, объясняемую тем, что «диалектная речь является некодифицированной формой национального языка», включающей «в свой состав также просторечную лексику и фразеологию» [Брыси-на 2001: 53], поэтому рассматриваем фразеологические единицы, выявленные в художественных произведениях, без жёсткого деления их на просторечные и диалектные. Та стилистическая квалификация фразеологических единиц, что представлена в реферируемой работе, опирается на пометы словарей XIX–XX вв.

Диалектно-просторечный характер фразеологических единиц проявляется, во-первых, в наличии в их составе хотя бы одного диалектного или просторечного слова. При этом ограниченность в употреблении фразеологизмов может определяться фонетически (*вдарить в голову, как сквозь землю провалиться*), морфологически (*за-ради бога, ни в жисть*), фонетико-морфологически (*вдарить враз*). Однако основную часть всех выявленных фразеологизмов составляют устойчивые образования с лексическими особенностями. При этом значительная часть таких фразеологизмов имеет параллели в литературном языке: *гнуть хрип* – разг. *гнуть стипу*; *шат его знает* – разг. *чёрт (бес, леший, шут, пёс) его знает* и т.д. Подобные примеры рассматриваются лингвистами как явление внутрисистемных изме-

нений в структуре фразеологизмов, находящихся выражение в синонимичной замене компонентов или лексическом варьировании, обусловленное функционированием их в различных подсистемах национального языка и внесением дополнительных эмоционально-экспрессивных оттенков [см.: Бабкин 1970, Жуков В.П. 1986, Жуков А.В. 2009, Ломов 1998, Мокиенко 1980 и др.].

Среди фразеологизмов, имеющих параллели в литературном языке, отметим такие, в которых наблюдается иная структура фразеологизма при тождестве семантики: *потуда меня и видели* (лит. *так вы меня и видели*); сращение компонентов фразеологизма за счёт их редукции: *бо-зна как, бознать чем*; более широкий, чем в литературном языке, компонентный состав фразеологизмов: *стеблом глаза колоть, зги божией не видно* и др.

Большая часть всех выявленных устойчивых сочетаний не имеет семантических соответствий в литературном языке. Среди них выделяются две группы:

1) фразеологизмы, компонентом которых является диалектное или просторечное слово (*гадай моя голова, кочетинное слово*). Среди них отметим те, в которых диалектные или просторечные слова существуют в языке лишь как фразеологически закреплённые: *нет додору, поедом есть, сбить с панталыку* и др. В других фразеологизмах диалектные и просторечные слова – компоненты устойчивых сочетаний – могут употребляться в языке и как лексемы со свободным значением: *разводить баясы, вылутить буркалы, набить брюхо, оттрепать за виски, драть каряжки, накласть в загорбок, насыпать в портки, ошметком ши хлебать* и др.;

2) фразеологизмы, компонентами которых являются слова только литературного языка, но в целом фразеологические единицы носят ограниченный народно-разговорным языком характер употребления: *пройди свет, до новых венчиков не забудешь, гвоздя отрубить, до трех дубов (на три дуба), завести круг в хозяйстве, сорваться (соскочить) с зарубки, пёс с тобой, поперёк живота, ходить чисто, языком петли закидывать* и др.

Зыбкость теоретических установок, имеющаяся в современной фразеологии, в том числе и недостаточно продуманная квалификация категориальных признаков фразеологических единиц, приводит к различным точкам зрения по поводу отнесения к числу фразеологизмов многих устойчивых сверхсловных образований (например, предложно-падежных, междометных, модальных сочетаний, составных наименований, пословиц, поговорок, крылатых слов и выражений, загадок и т.д.). Придерживаясь широкого понимания фразеологии, мы, однако, не рассматриваем в составе фразеологических единиц такие образования, партикулярные единицы, различные аппозитивные образования и т.п. Но в числе устойчивых рассматриваем ряд предложно-падежных сочетаний, характеризующихся образностью и воспроизводимостью: *по крайности, в отделку, с потрохам, по сусалам, на тычке, до ветру, в голова, до шпенту, на рысях* и т.п.

Все выявленные фразеологизмы по своей структуре делятся на: глагольные (около 50 %): *разводить баясы, залить глаза, забрать в голову,*

задать лататы, зашибаться вином, концы хоронить, намять бока, соскочить с зарубки, моду обдумать; субстантивные (25,2 %): *вихорная сила, на мой сгад, медоломное дело, причинное место, паралик с ним, обсевок в поле*; предикативные устойчивые сочетания (15,1 %): *леший тебя расшиби, нес тебя задави (слопай, закарябай), шут (леший, нечистый, родимец) тебя расшиби; буревая несёт, завидки берут*; наречные (4,6 %): *где ни на есть, куда зря, доколе некуда*; с производным предлогом как грамматически господствующим компонентом (2,6 %): *за-ради бога (господа, Христа, царя небесного), спокон (сыспокон) веку (веков)*; сочетания: *нет (несть) + сущ.: нет додору, нет мочи (моченьки), несть числа (2,2 %)*.

В нелитературной фразеологии обращают на себя внимание устойчивые сочетания, которые, сохраняя в своей внутренней форме оценочность и экспрессивность, выступают в то же время в роли терминологических единиц: *сухой зуб, лихая болезнь, дурная болезнь, причинное место, становая жила* и др. – в работе представлена подробная классификация таких устойчивых образований.

Стилистическая характеристика выявленных устойчивых сочетаний, основанная на пометах в словарях русского языка XIX–XX вв., свидетельствует о преобладании среди них единиц просторечного характера (62 %).

Особое рассмотрение в работе получили фразеологические единицы, не зафиксированные словарями русского языка. Среди них выделяем те, которые: 1) как фразеологизмы в словарях русского языка отсутствуют, но зафиксированы в качестве самостоятельных слов, являющихся элементами устойчивого сочетания (*вдаться в тоску, накласть в загорбок*); 2) известны в словарях в другой форме (*дать вздох, и в жисть*); 3) представлены в словарях стилистическими синонимами (*набить брюхо, нелёгкая тебя дерчи*); 4) полностью отсутствуют в словарях (*бёсова свадьба, вихорная сила, одним кумачом подбиты, предаться земле, опевать ночь, колумесить околицей, колотить в заслонку, гвоздя отрубить, меды ломать, медоломное дело, налететь с ковшом на брагу, обдумать канитель, сени мирные* и др.).

Рассматривая проблему вариативности фразеологизмов в художественном тексте, следует отметить, что варианты литературных фразеологических единиц, которые отмечены в произведениях А.И. Эртеля и И.А. Бунина, являются достоянием народно-разговорного языка, где вариативность фразеологизмов является фактом самого языка. Выбор писателем лексического компонента в таких случаях определяется давлением диалектной лексической системы. Особенности же замятинской прозы позволяют предположить, что писатель мог быть автором некоторых из фразеологизмов (например, *одним кумачом подбиты, подвязать языки*), что не отрицает необходимости их изучения.

Специального рассмотрения заслуживают стилистические функции фразеологизмов в произведениях писателей, безусловно, индивидуально проявляющиеся в творчестве каждого из них. На данном этапе относим эту задачу к перспективам исследования.

6. Завершает данную главу рассмотрение семантики и этимологии отдельных слов и выражений, не зафиксированных словарями русского языка или не совпадающих по семантике с имеющимися словарными толкованиями (*балхольда, божеряка, жоожка, колбня, псовка, шалова; не возьмишь света белого, горе необрядимое* и др.).

В главе 5 представлен опыт лексикографического описания языка писателей Центрального Черноземья. В работе определено место диалектно-просторечного словаря языка писателя в современной типологии авторских словарей, разработана организация словника (принципы отбора слов и расположения заглавных слов, параметры характеристики слов различных частей речи), описана структура словарной статьи, рассмотрены типы словарных дефиниций в словаре такого типа, принципы цитирования и способы подачи фразеологических единиц.

По объёму словника рассматриваемый словарь является справочником дифференциального типа, описывающим только определённую часть словарного состава художественных произведений писателя. По способу описания лексики данный словарь является толковым и предполагает наличие в словарной статье обязательных структурных зон: заглавное слово, собственно дефиниция, иллюстративный материал, грамматические и стилистические пометы, устойчивые сочетания, если они зафиксированы в произведениях исследуемого автора, их толкование. Другие характеристики слова являются в словарной статье словаря такого типа факультативными.

Диалектно-просторечный словарь языка писателя занимает, по нашему мнению, промежуточное положение между словарём диалектным, отражающим живой народный язык, и словарём литературного языка академического типа, содержащим многочисленные примеры из произведений художественной литературы, поэтому он сочетает в себе принципы строения словарей обоих типов, что выражается в способах словарных дефиниций, в принципах цитирования, в системе стилистических и ареальных помет, в представлении вариантов слов и т.д.

К дифференциальным характеристикам данного словаря следует отнести и особенности его словника. По охвату лексики словарь является полным, фиксирующим все диалектные и просторечные лексемы художественных произведений одного писателя.

Центральное место в данной главе занимает определение способов толкования диалектных и просторечных лексем в данном типе словаря. Основными среди них являются:

1) синонимический – применяется в том случае, если лексема из диалектно-просторечной системы языка и лексема из литературного языка тождественны по своему значению: *боль* – «болезнь», *вспрашивать* – «спрашивать», *всугонь* – «вдогонку», *дерева* – «бревна», *защета* – «заноза» и мн. др. При этом в ряде случаев более продуктивным оказывается подбор не одного, а ряда синонимов, что позволяет расширить возможности раскрытия семантических свойств слова и объёма его значения: *артачиться* –

«упорствовать, упрямитесь», *блзнить* – «соблазнять, искушать, смущать, совращать»;

2) описательный – используется при дефинировании редких, «забытых», не известных современному читателю слов: *бахилы* – «самодельная рабочая обувь, напоминающая сапоги, сшитые из кожи или брезента»; *грёчка* – «мелкие высыпания на коже, появляющиеся от холодной воды или от холодного, сырого ветра». При этом обязательным условием при толковании диалектизма из художественного текста является соотнесение территории его бытования с той местностью, которая описывается автором художественного произведения (см., например, *драчёны*);

3) сочетание филологического толкования с энциклопедическим – применяется для толкования тех слов, которые называют реалии, не известные в общенародном языке: *запон* – «разного покроя женский фартук, представляющий собой перегнутое пополам полотно с вырезом для ворота, часто с рукавами, подвязываемый на талии»;

4) комбинированные способы – как правило, это описательно-синонимические толкования: *выкомаривать* – «делать что-либо необычное, странное; паясничать»;

5) использование системы отсылок – способ толкования слов, продуктивный прежде всего по отношению к производным словам: *брехнуть* – «однокр. к *брехать* (см.); *сурьёзно* – нареч. к прил. *сурьёзный* (см.)».

Словарные дефиниции обязательно должны быть семантически эквивалентными толкуемой языковой единице, однако составитель словаря языка одного писателя нередко сталкивается с тем, что семантика отдельных лексем не может быть истолкована однозначно в силу недостаточной информативности контекста: *беспелюха* – «1) неряха, 2) бестолковый человек: – *Этак за тобой, беспелухой, разве напрутираисси?* (Замятин. «Африка»). В подобных случаях в словарной статье указываются все возможные в данном контексте значения. Для читателя подобные толкования являются с указанием на многозначность дефинируемого слова.

Специального решения в словаре данного типа требуют дефиниции слов, которые использованы писателем только образно. Поскольку разрабатываемый словарь носит дифференциальный характер и задачей его является прежде всего толкование слов, являющихся достоянием народно-разговорного языка и не всегда понятных читателю, в подобных случаях словарная статья приобретает специфическую структуру, «особо учитывающую, – словами В.П. Григорьева, – период превращения слова»: вначале указывается прямое значение толкуемого слова (без подтверждения его цитатой, поскольку таковая отсутствует), а затем приводится цитата из текста. Такая структура словарной статьи помогает читателю через прямое значение «увидеть» семантику слова в переносном употреблении и понять, на основе каких признаков произошёл перенос наименования: *жихморозь* – «1) что-либо крепко сжатое, стиснутое, 2) тщедушный, болезненный человек». В сравн.: *Усохла вся, чёренькая, маленькая – жихморозь...* (Замятин. «Сподручница грешных»).

При рассмотрении принципов цитирования в работе получают теоретическое и практическое решение проблемы, связанные с объемом иллюстративного материала, с необходимой достаточностью информативности контекста, с введением в словарную статью цитаты, являющейся единственным примером употребления слова и при этом совершенно неинформативной с точки зрения семантизации дефинируемого слова, и т.п.

Рассматривая известные в авторской лексикографии способы подачи фразеологизмов, мы приходим к их перекрёстной подаче, но при этом прагматический характер словаря, нацеленного прежде всего на толкование «лексических трудностей», вносит коррективы в этот традиционный способ. Если в составе фразеологизма отмечено диалектное или просторечное слово, то нам представляется возможным такой способ подачи фразеологизма, при котором определяющим фактором при выборе заглавного слова в словарной статье должен быть областной или просторечный характер слова – компонента фразеологизма: фразеологизм *вылупить буркалы* разрабатывается в словарной статье, заглавным словом которой является существительное *буркалы*; фразеологизм *нётый дурак* – в словарной статье, где заглавное слово – прилагательное *нётый*, и т.п. При этом в качестве заглавного может выступать не только знаменательное слово, но и служебное, если именно оно ограничено в употреблении: *за ради (за-ради) Бога (господа, Христа, царя небесного)* – в данном случае словарная статья разрабатывается при диалектном предлоге *за ради (за-ради)*.

В авторском словаре такого типа способ подачи фразеологизма, при котором заглавным в словарной статье является диалектное или просторечное слово, представляется нам наиболее целесообразным, так как читатель, обращая внимание в тексте на «редкое» слово и не зная его лексического значения, часто не в состоянии определить, является ли оно семантически и функционально самостоятельным или же это лишь структурный компонент фразеологизма. Поэтому в словаре он будет искать прежде всего это «редкое», «трудное» слово.

Если компонентами фразеологической единицы являются слова литературного языка, то разработка словарной статьи в таких случаях осуществляется или при постоянном компоненте фразеологизма, или при том слове, которое несёт в составе фразеологизма основную смысловую нагрузку: *дуб – до трёх дубов, на три дуба* («о положении солнца на восходе или закате»); *обмываться – месяц обмывается* («о выпадении осадков в новолуние») и т.п. Для остальных компонентов таких фразеологизмов применяется отсылка к заглавному слову.

Неизбежная субъективность в построении любого авторского словаря, проявляющаяся и в способах подачи лексического материала, и в структуре словарной статьи, и в толковании словарных единиц, особенно наглядна в разработке фразеологических единиц, ограниченных в употреблении, и потому предложенный способ размещения фразеологизмов в авторском словаре дифференциального типа является лишь одним из ряда возможных и целесообразных.

В **Заключении** подведены итоги исследования:

Диалект и просторечие как формы существования национального языка на различных этапах его развития исследованы в отечественной лингвистике недостаточно. Практически не исследованы они по отношению к концу XIX – началу XX вв. При этом проблема разграничения просторечных и диалектных слов, имеющая место в современном языкознании, была сложной и в XIX в., что объясняется как недостаточностью сведений о словарном составе диалектов того периода, характеризующегося не до конца сложившимися соотношениями различных форм существования национального языка, так и наличием в лексике единиц переходных, пограничных групп.

Представленные в диссертации материалы позволяют говорить о том, что художественные произведения А.И. Эртеля, И.А. Бунина, Е.И. Замятина – писателей, выросших в народно-разговорной языковой среде и являющихся носителями родных говоров, – служат достоверным источником для исследования языка в его диалектной и просторечной формах. Характер использования лексических и фразеологических единиц, способы включения их в текст, фонетические и грамматические признаки диалектных и просторечных слов, широко представленных в их произведениях, говорят о временной и территориальной соотносительности использованного писателями речевого материала с реальной языковой ситуацией конца XIX – начала XX вв.

Полученные наблюдения дают возможность оценить преимущества изучения региональной лексики на материале художественных произведений (в тексте более точно определяется семантика слов, выявляются их парадигматические и синтагматические отношения, их стилистическая отнесенность, наличие или отсутствие эмоционально-экспрессивной окраски и т.д.). При этом региональная лексика, с одной стороны, рассматривается в контексте художественного произведения, а с другой стороны, находит подтверждение в живой речи народных говоров. В целом же исследователь получает ценный материал для изучения лексики определенного региона.

Отмечая различный подход писателей к изображению действительности, мы вместе с тем отмечаем генетическое языковое родство писателей, находящее выражение в многочисленной общей для их произведений лексике, имеющей довольно узкий ареальный характер.

Рассмотренные в данном исследовании материалы свидетельствуют, на наш взгляд, о целесообразности изучения диалектной и просторечной лексики в их единстве существования в народно-разговорной форме языка – как в плане лексических изысканий, так и в плане практического описания в виде словарей и справочных пособий.

Сложившаяся к настоящему времени практика создания авторских словарей, безусловно, свидетельствует о важности и актуальности данного направления в отечественной лексикографии. Представленные в настоящем исследовании материалы убедительно обосновывают необходимость и актуальность разработки авторского словаря дифференциального типа,

описывающего и толкующего диалектно-просторечную лексику произведений одного писателя. Такой словарь сохраняет в сконцентрированном виде лексику народно-разговорного языка определённого периода, служит справочным пособием, толкующим «трудные» слова из художественных текстов, способствует характеристике идиостиля писателя и пониманию особенностей его языковой картины, служит познавательным целям, знакомя читателей с бытом, хозяйственной и производственной деятельностью русского народа, с социальными и экономическими отношениями в России прошлых эпох, с представлениями человека об окружающем мире.

Богатство и разнообразие проанализированного нами фактического материала свидетельствуют о возможности продолжения исследования его в разных направлениях как в области лексикологии и фразеологии, так и в области теоретической и практической лексикографии.

Реальной перспективой лексикографирования собранного материала является создание «Словаря языка писателей Центрального Черноземья» с привлечением лексического материала произведений ряда других писателей данного региона. Антропоцентричность современных лингвистических исследований, направленная на изучение языковой личности человека, и изучение проблем концептуализации и категоризации мира, нацеленное на описание языковой картины мира, диктуют необходимость создания словаря идеографического типа.

Многоаспектный анализ лексики, выявленной в произведениях А.И. Эртеля, И.А. Бунина, Е.И. Замятина, с привлечением лексического материала из произведений других писателей этого периода, в том числе писателей «второго плана», позволит исследовать изменения в лексико-семантической структуре русского языка, начиная со второй половины XIX века до настоящего времени.

Естественным продолжением представленного исследования явится дальнейшее изучение семантики и этимологии слов и выражений, не зафиксированных словарями русского языка.

Основные положения работы отражены в следующих публикациях:

Монография

1. *Курносова, И.М.* Очерки лексикологии и лексикографии языка писателей Центрального Черноземья (А.И. Эртель, И.А. Бунин, Е.И. Замятин): монография [Текст] / И.М. Курносова. – Елец: ЕГУ им. И.А.Бунина, 2009. – 220 с.

Словари

2. *Курносова, И.М.* Словарь народного языка произведений И.А. Бунина [Текст] / И.М. Курносова. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006. – 219 с.

3. *Курносова, И.М.* Диалектно-просторечный словарь языка Евгения Замятина [Текст] / И.М. Курносова. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2008. – 274 с.

4. Курносова, И.М. Народное слово в произведениях А. Эртеля: Словарь [Текст] / И.М. Курносова. – Елец: ЕГУ им. И.А.Бунина, 2009. – 246 с.

Статьи в периодических изданиях, рекомендованных ВАК РФ

5. Курносова, И.М. Диалектная лексика языка писателей как объект авторской лексикографии: к истории и теории вопроса [Текст] / И.М. Курносова // Филологические науки. – 2008. – № 5. – С. 105–111.

6. Курносова, И.М. Петухи опевают ночь: об одной фразе из рассказа И.А. Бунина [Текст] / И.М. Курносова // Русский язык в школе. – 2008. – № 9. – С. 63–65.

7. Курносова, И.М. Сравнения как одно из средств создания образности в прозе Е. Замятина [Текст] / И.М. Курносова // Вестник Тамбовского университета. Серия Гуманитарные науки. – Выпуск 10 (66). – Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. – С. 93–96.

8. Курносова, И.М. К проблеме толкования слова в авторском словаре дифференциального типа [Текст] / И.М. Курносова // Вопросы филологии. – 2008. – № 4. – С. 12–17.

9. Курносова, И.М. Произведения А.И. Эртеля как объект лексикографии // Русский язык XIX века: динамика языковых процессов [Текст] / И.М. Курносова // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований Российской академии наук. – Т. IV. – Ч. 3. – СПб.: Наука, 2008. – С. 130–137.

10. Курносова, И.М. Демонологические существа в прозе Е. Замятина [Текст] / И.М. Курносова // Русская речь. – 2009. – № 1. – С. 111–118.

11. Курносова, И.М. Диалектно-просторечная фразеология Е. Замятина [Текст] / И.М. Курносова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». – № 1. – М.: Изд-во МГОУ, 2009. – С. 41–46.

12. Курносова, И.М. «Ишь какой додельный!» О елецких говорах [Текст] / И.М. Курносова // Русская речь. – 2009. – № 2. – С. 90–93.

13. Курносова, И.М. «Белый (божий) свет» в народной фразеологии [Текст] / И.М. Курносова // Русский язык в школе. – 2009. – № 7. – С. 75–79.

14. Курносова, И.М. О «языке изображаемой среды и эпохи» Е.И. Замятина [Текст] / И.М. Курносова // Личность. Культура. Общество. – 2009. – Т. 11. – Вып. 3 (50). – С. 494–500.

Рецензии в периодических изданиях, рекомендованных ВАК РФ

15. Курносова, И.М. В.В. Леденёва. Лексикография современного русского языка. Практикум: Учеб. пособие. – М.: Высшая школа, 2008: Рецензия [Текст] / И.М. Курносова // Русский язык в школе. – 2008. – № 8. – С. 95–97.

16. Курносова, И.М. Первый бунинский словарь. Рецензия на кн.: Краснянский В.В. Словарь эпитетов Ивана Бунина: В 2 ч. – Елец: ЕГУ им. И.А.Бунина, 2006 [Текст] / И.М. Курносова // Вопросы филологии – 2008. – № 4. – С. 156–159.

17. Курносова, И.М. В.В. Щеулин. Русский язык в историческом, социалингвистическом и этнокультурном аспектах рассмотрения. – Ч. I. – Липецк: ЛГПУ, 2007: Рецензия [Текст] / И.М. Курносова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». – № 3. – М.: Изд-во МГОУ, 2008. – С. 215–217.

18. Курносова, И.М. Иван Бунин и Общество любителей российской словесности: Рецензия [Текст] / И.М. Курносова // Русская речь. – 2008. – № 6. – С. 120–121.

19. Курносова, И.М. Пешковский А.М. Лингвистика. Поэтика. Стилистика: Избр. труды: Учеб. пособие / Сост. и науч. ред. О.В. Никитин [Текст] / И.М. Курносова. – М.: Высшая школа, 2007: Рецензия // Вестник Московского университета. – Серия 9. Филология. – 2009. – № 1. – С. 183–187.

Статьи, материалы, тезисы

20. Курносова, И.М. Просторечная лексика в произведениях Е.Замятина [Текст] / И.М. Курносова // Тезисы 6-ой межвузовской конференции молодых учёных. – Липецк: Изд-во ЛГПИ, 1992. – С. 108.

21. Курносова, И.М. Функционирование южнорусской диалектной лексики в произведениях И. Бунина начала XX в. [Текст] / И.М. Курносова // Тезисы 6-ой межвузовской конференции молодых учёных. – Липецк, 1992. – С. 109.

22. Курносова, И.М. Тексты художественной литературы как источник для диалектной лексикографии [Текст] / И.М. Курносова // Тезисы 7-ой межвузовской научной конференции молодых учёных. – Липецк: Изд-во ЛГПИ, 1993. – С. 144.

23. Курносова, И.М. Диалектизмы в прозе И.А. Бунина: способы семантизации // Сборник докладов, прочитанных на Международной научной конференции, посвящённой 600-летию спасения Руси от Тамерлана и 125-летию со дня рождения И.А. Бунина [Текст] / И.М. Курносова. – Елец: ЕГПИ, 1995. – С. 191–200.

24. Курносова, И.М. Этнографизмы в произведениях И.А. Бунина // Материалы международной научной конференции, посвящённой 850-летию г. Ельца [Текст] / И.М. Курносова. – Елец: ЕГПИ, 1996. – С. 169–170.

25. Курносова, И.М. К вопросу о достоверности диалектного материала в художественных произведениях // Структурно-семантическая характеристика языковых явлений [Текст] / И.М. Курносова. – Елец: ЕГПИ, 1996. – С. 41–57.

26. Курносова, И.М. Диалектизмы в произведениях И.А. Бунина // Материалы по русско-славянскому языкознанию [Текст] / И.М. Курносова. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1997. – Вып. 22. – С. 63–67.

27. Курносова, И.М. Художественная литература в кругу источников русской диалектологии [Текст] / И.М. Курносова // Лингвистические очерки. – Елец: ЕГПИ, 1998. – С. 33–43.

28. Курносова, И.М. Словарь диалектизмов художественных произведений И.А. Бунина: Учебное пособие по лингвокраеведению (для студентов дневного и заочного отделений филологического факультета) [Текст] / И.М. Курносова. – Елец, 1998. – 47 с.

29. Курносова, И.М. Диалектизмы в произведениях Е.И. Замятина [Текст] / И.М. Курносова // Европейские языки: историография, история, теория. – Вып. 1. – Елец: ЕГПИ, 2000. – С. 136–145.

30. Курносова, И.М. Этимологический комментарий диалектизмов произведений И.А. Бунина [Текст] / И.М. Курносова // Молодые голоса. – Вып. 2. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2001. – С. 36–44.

31. Курносова, И.М. О структуре «Словаря диалектизмов русской художественной литературы» [Текст] / И.М. Курносова // В.И. Даль и восточнославянская наука. Материалы межвузовской научно-практической конференции, посвящённой 200-летию со дня рождения В.И. Даля. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2001. – С. 57–59.

32. Курносова, И.М. Словарь диалектизмов художественных произведений И.А. Бунина [Текст] / И.М. Курносова // Лингвистическое отечествоведение: В 2-х т. – Т. 2. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2001. – С. 70–107.

33. Курносова, И.М. О вхождении областных слов в литературный язык [Текст] / И.М. Курносова // Европейские языки: историография, история, теория. – Вып. 3. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2002. – С. 90–100.

34. Курносова, И.М. Лексика народных говоров [Текст] / И.М. Курносова // Замятинская энциклопедия. Лебедянский контекст. – Тамбов–Елец, 2004. – С. 433–484.

35. Курносова, И.М. Лексика народной культуры в русской художественной классике. Словарь-справочник [Текст] / И.М. Курносова // Вестник Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина. – Вып. 3. – Филологическая серия (1). – Елец, 2004 г. – С. 3–22.

36. Курносова, И.М. Материалы для «Словаря диалектизмов произведений И.А. Бунина» [Текст] / И.М. Курносова // Вестник Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина. – Вып. 3. – Филологическая серия (1). – Елец, 2004 г. – С. 23–44.

37. Курносова, И.М. И.А. Бунин и язык южнорусской деревни [Текст] / И.М. Курносова // Философия хозяйства. Альманах центра общественных наук и экономического факультета МГУ. – № 4 (34). – Москва, 2004. – С. 93–97.

38. Курносова, И.М. Лексика, характеризующая человека, в елецких говорах (на материале произведений И.А. Бунина) [Текст] / И.М. Курносова // Творческое наследие Ивана Бунина на рубеже тысячелетий. Материалы международной научной конференции, посвящённой 70-летию вручения Нобелевской премии и 50-летию со дня смерти писателя. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2004 г. – С. 289–294.

39. Курносова, И.М. Диалектная лексика природы у Е.Замятина [Текст] / И.М. Курносова // Творческое наследие Евгения Замятина: взгляд из сегодня. – Книга XIII. – Тамбов-Елец, 2004. – С. 228–231.

40. Курносова, И.М. О семантике некоторых диалектизмов в произведениях И.А. Бунина и словарях русского языка [Текст] / И.М. Курносова // Иван Бунин: филологический дискурс: коллективная монография. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2005. – С. 233–242.

41. Курносова, И.М. Словарь языка писателя: к проблеме отбора иллюстративного материала [Текст] / И.М. Курносова // Наследие В.И. Даля в контексте общечеловеческих и национальных ценностей: Девятые Международные Далевские чтения. – Луганск, 2005. – С. 158–165.

42. Курносова, И.М. Материалы для «Словаря диалектизмов произведений И.А. Бунина» [Текст] / И.М. Курносова // Вестник Елецкого государственного ун-та им. И.А. Бунина. – Вып. 9. – Филологическая серия (2). – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2005. – С. 20–37.

43. Курносова, И.М. Из истории изучения елецких говоров [Текст] / И.М. Курносова // Селищевские чтения: Материалы Международной научной конференции, посвящённой 120-летию со дня рождения А.М. Селищева. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2005. – 153–158.

44. Курносова, И.М. «Словарь деревенского быта» как один из словарей языка произведений И.А. Бунина [Текст] / И.М. Курносова // Творчество И.А. Бунина и философско-художественные искания на рубеже XX–XXI веков. Материалы Международной научной конференции, посвящённой 135-летию со дня рождения писателя. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006. – С. 334–341.

45. Курносова, И.М. Дом и усадьба в «Жизни Арсеньева» И.А. Бунина: лингвоэтнографический комментарий [Текст] / И.М. Курносова // Бунинская Россия: Озёрки – Батурино: коллективная монография. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006. – С. 137–145.

46. Курносова, И.М. Диалектный язык произведений И. Бунина и Е. Замятина: к характеристике стиля писателя [Текст] / И.М. Курносова // Национальный и региональный «космо-психо-логос» в художественном мире писателей русского Подстепья (И.А. Бунин, Е.И. Замятин, М.М. Пришвин). – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006. – С. 33–38.

47. Курносова, И.М. К характеристике елецких говоров (наблюдения М.А. Стаховича и современное состояние языка) [Текст] / И.М. Курносова // Вестник Елецкого государственного университета. Серия «Историко-культурное наследие» (1). – Вып. 12. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2006. – С. 328–333.

48. Курносова, И.М. Из опыта создания одноаспектного словаря языка писателя [Текст] / И.М. Курносова // Вестник Луганского национального педагогического университета имени Тараса Шевченко. Филологические науки. – 2007. – № 11 (128). – Ч. I. – Луганск, 2007. – С. 161–168.

49. Курносова, И.М. Народно-разговорная фразеология И. Бунина и её лексикографирование [Текст] / И.М. Курносова // Славянские языки и

культура. Материалы Международной научной конференции: В 3-х ч. – Ч. 2. Языковые средства и способы кодировки культурных знаний. – Тула, 2007 г. – С. 173–175.

50. Курносова, И.М. Наречная лексика в русских народных говорах (По материалам «Словаря народного языка произведений И.А. Бунина») [Текст] / И.М. Курносова // Вестник Елецкого государственного университета имени И.А. Бунина. – Вып. 14. – Филологическая серия (3). – Елец, 2007. – С. 51–65.

51. Курносова, И.М. Структура словарной статьи в диалектно-просторечном словаре языка одного писателя [Текст] / И.М. Курносова // Слово и словарь. *Vocabulum et vocabularium*. – Гродно: ГрГУ, 2007. – С. 81–83.

52. Курносова, И.М., Макаров В.И. К проблеме создания словаря русской народной культуры в художественном слове [Текст] / И.М. Курносова, В.И. Макаров // Проблемы авторской и общей лексикографии. – Брянск–Москва, 2007. – С. 38–42.

53. Курносова, И.М. О проекте дифференциального словаря прозы Евгения Замятина [Текст] / И.М. Курносова // Материалы по русско-славянскому языкознанию. – Вып. 28. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2007. – С. 126–130.

54. Курносова, И.М. О некоторых особенностях «Диалектно-просторечного словаря языка Евгения Замятина» [Текст] / И.М. Курносова // Вестник Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина. – Вып. 18. – Филологическая серия (4). – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2008. – С. 35–46.

55. Курносова, И.М. Региональная лексика и фразеология как объект авторской лексикографии [Текст] / И.М. Курносова // Материалы по русско-славянскому языкознанию. – Вып. 29. – Ч. 1. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2008. – С. 265–270.

56. Курносова, И.М. Наблюдения над диалектно-просторечной фразеологией произведений И.А. Бунина [Текст] / И.М. Курносова // Бунинская Россия: Елец: коллективная монография. – Вып. 3. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2008. – С. 146–152.

57. Курносова, И.М. Диалектно-просторечный словарь языка писателя в современной авторской лексикографии [Текст] / И.М. Курносова // Актуальные проблемы филологии и культурологии. Материалы международной конференции, посвящённой Дням русского языка и культуры в Республике Таджикистан 24–28 февраля 2009 г. – Душанбе, 2009. – С. 60–66.

58. Курносова, И.М. Из опыта лексикографического описания диалектно-просторечной фразеологии в авторском словаре дифференциального типа [Текст] / И.М. Курносова // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологии (Четвёртые Жуковские чтения): Материалы Международного научного симпозиума. 4–6 мая 2009 г. – Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2009. – С. 271–275.

59. Курносова, И.М. Горе необрадимое: о семантике одного выражения [Текст] / И.М. Курносова // О русском языке в историческом, теоретическом и лингвокультурологическом аспектах. – Липецк, 2009. – С. 51–58.

60. Курносова, И.М. Об отражении этнокультурной семантики рубежа XIX–XX вв. в художественной литературе (А.И. Эртель, И.А. Бунин, Е.И. Замятин) [Текст] / И.М. Курносова // Европейские языки: историография, теория, история: Межвузовский сборник научных трудов. – Вып. 7. – Елец: ЕГУ им. И.А.Бунина, 2009. – С. 151–158.

61. Курносова, И.М. Типы словарных дефиниций в авторском словаре дифференциального типа [Текст] / И.М. Курносова // Вестник Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина. – Вып. 25. – Филологическая серия (5). – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2009. – С. 76–89.

62. Курносова, И.М. О семантике некоторых слов в произведениях Е. Замятина [Текст] / И.М. Курносова // Литературоведение на современном этапе: Теория. История литературы. Творческие индивидуальности: материалы Международного конгресса литературоведов. К 125-летию Е.И. Замятина. 5–8 октября 2009 г. – Тамбов: Издательский дом ТГУ имени Г.Р. Державина, 2009. – С. 515–520.

Лицензия на издательскую деятельность
ИД № 06146. Дата выдачи 26.10.01.
Формат 60 x 84 /16. Гарнитура Times. Печать трафаретная.
Усл.-печ.л. 2,5 Уч.-изд.л. 2,6
Тираж 150 экз. Заказ 105

Отпечатано с готового оригинал-макета на участке оперативной полиграфии
Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина.

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина»
399770, г. Елец, ул. Коммунаров, 28

